ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 3-я.

МАРТЪ, 1894.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1894.

Стр.

I.—ПЕРЕВАЛЪ.—Романъ въ трехъ частяхъ. — Часть вторая: I-XXII.—**П. Д. Боборыкина** 5

II.—КОНДОРСЭ.—1743—1794 гг.—Характеристика.—I-V.—**Максима Ковалевскаго.** 99

III.—ГЕКТОРЪ.—Отрывокъ.—**С. Елпатьевскаго** 145

IV.—ДРУЖБА ШИЛЛЕРА И ГЁТЕ.—1794—1805 г. — Часть вторая. — **В. Д. Спасовича.** 166

V.—ГЛУХАЯ НОЧЬ.—Стих. **А. М. Жемчужникова.** 203

VI.—ПО ВИЗИТАМЪ.—День думскаго женщины-врача въ С.-Петербургѣ.—**Е. Славской** 204

VII.—ДНИ ИСПЫТАНІЙ.—Jours d'épreuve, par Paul Marguerite.—Изъ быта французской буржуазіи.—Часть первая: I-VII.—**А. Б—г—** 243

VIII.—ЛЕГЕНДЫ И АПОКРИФЫ въ древней русской письменности.—**А. Н. Пыпина.** 291

IX.—БЕЗЪ КРОВА. — Изъ Маріи Конопницкой. — Перев. съ польскаго **М. Гербановскаго.** 340

X.—НОВЫЕ СПОРЫ ОБЪ ОБЩИНѢ. — **Л. З. Слонимскаго** 343

XI.—ИЗЪ „ODES ET BALLADES", В. ГЮГО.—I. Сожалѣніе.—II. Поэтъ.—III. Когда осквернена святыня.—Перев. **О. Н. Михайловой** 365

XII.—ХРОНИКА.—Сахарная операція казны въ 1893 г.—**О.** 368

XIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Земство и продовольственное дѣло.—Продовольственныя ссуды или безвозвратныя пособія? — Замѣчанія губернской администраціи на земскія смѣты и раскладки.—Можно ли считать земскія учрежденія „низшими", подчиненными органами административной власти?—Приближеніе конца таможенной войны 386

XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Экономическій міръ съ Германіею. — Отношеніе къ русско-германскому торговому трактату у нѣмцевъ и у насъ.—Разногласія и перемѣны въ отзывахъ нашей печати.—Подъемъ и упадокъ промышленнаго патріотизма.—Два мнѣнія о причинахъ вооруженій въ Европѣ. 402

XV.—НЕКРОЛОГЪ.—Францискъ Рачкій †.—**В. С. Соловьева.** 416

XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Замѣтки о современной литературѣ, 1856—1862 гг. Изд. М. Н. Чернышевскаго. — Безцѣльный трудъ, „не-дѣланіе" или „дѣло". В. А. Кожевникова.—„Землевѣденіе", кн. 1, п. р. Д. Н. Анучина. — Травяныя степи сѣвернаго полушарія, А. Н. Краснова. Изв. имп. общ. люб. естествознанія, вып. 1. — **А. В.** — Пособіе къ практическому изученію французскаго языка, состав. М. Бобрищева-Пушкина.—**Р.**—Новыя книги и брошюры. 419

XVII.—ДВА НЕИЗДАННЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЯ Е. А. БАРАТЫНСКАГО.—Сообщ. бар. **Н. В. Дризенъ** 437

XVIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. J. Milsand, Littérature anglaise et philosophie. — II. J. Weisse, A propos du théâtre. — III. Fr. v. Reber, Geschichte der Malerei.—**З. В.** 439

XIX.—НЕКРОЛОГЪ.—Ѳ. М. Дмитріевъ †.—**В. С. Соловьева** 453

XX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — 75-лѣтіе спб. университета. — Четверть вѣка тому назадъ и теперь. — Новое нападеніе на литературный фондъ. — Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ 455

XXI.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Спб. Комитета Грамотности 467

XXII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова, въ трехъ томахъ.—Крушеніе монархіи во Франціи, Н. Л. Любимова. — Крестьянское землепользованіе и хозяйство въ тобольской и томской губерніяхъ.

XXIII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-XVI стр.

Подписка на годъ, первое полугодіе и вторую четверть года въ 1894 г.
(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ПО ВИЗИТАМЪ

День думскаго женщины-врача въ С.-Петербургѣ.

I.

Жаркій іюньскій день. Съ восьми часовъ утра я начала принимать своихъ амбулаторныхъ, т.-е. приходящихъ ко мнѣ на домъ больныхъ. Въ послѣдніе дни ихъ являлось особенно много: сегодня пришло 40 человѣкъ, не считая тѣхъ изъ бывшихъ уже прежде, которые пришли только для полученія лекарствъ. Оно и понятно: конецъ Петрова поста; думскому врачу вѣдь приходится имѣть дѣло съ тѣмъ людомъ, который соблюдаетъ строго посты, т.-е. съ бѣднотою; въ началѣ поста желудки кое-какъ еще справлялись съ постною пищею,—съ тою постною пищею, какая доступна бѣднотѣ, а потомъ и пошли желудочно-кишечныя заболѣванія. Является много именно съ этими болѣзнями.

Квартира моя состоитъ изъ трехъ маленькихъ комнатъ, прихожей и кухни. Одну изъ своихъ комнатъ я и отдѣлила для пріема больныхъ; дожидаются же они пріема частію въ кухнѣ, частію въ прихожей, а иногда нѣкоторые и на лѣстницѣ. Что будешь дѣлать: думскому врачу нанимать большую квартиру не по средствамъ. Можно поэтому представить, что у меня бываетъ въ квартирѣ во время пріема! Въ этотъ день явилось 40 человѣкъ, а иногда ихъ приходитъ и больше. Нужно при этомъ замѣтить еще, что бабы, которыя вмѣстѣ съ своими ребятами и составляютъ обыкновенно главную часть моей амбулаторной публики, часто являются не съ больными только дѣтишками, а приводятъ или приносятъ съ собою и

здоровыхъ, если они очень малы, а дома ихъ не на кого оставить. Отъ тѣсноты, отъ духоты, отъ испареній—отъ больныхъ-то еще и большею частію грязныхъ тѣлъ—воздухъ вскорѣ дѣлается невыносимымъ; всякая вентиляція—окна и двери стоятъ открытыми—плохо дѣйствуетъ. При этомъ говоръ не одного десятка человѣкъ, звуки часто тяжелаго и непрерывнаго кашля, иногда стоны больныхъ, въ особенности же неугомонная трескотня бабъ и крикъ и плачъ дѣтей—образуютъ въ общемъ такую музыку, отъ которой, на продолжительное по крайней мѣрѣ время, можетъ и у человѣка съ крѣпкими нервами закружиться голова. Между тѣмъ принять 40 человѣкъ больныхъ скоро нельзя: при сколько-нибудь добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу это требуетъ много времени и много разнообразной хлопотни, а особенно много разговору. У каждаго вѣдь надо спросить и записать въ амбулаторную книгу: его имя и фамилію, лѣта, сословіе, занятія, мѣстожительство (адресъ), затѣмъ—какою болѣзнію боленъ и какое ему лекарство назначено, и выдать каждому билетъ съ №, чтобы можно было потомъ его безъ затрудненія отыскать по книгѣ, если придетъ въ другой разъ; надо затѣмъ разспросить каждаго о его болѣзни, осмотрѣть, выслушать, если нужно,—написать рецептъ или, что̀ чаще всего, выдать прямо готовое лекарство—вѣдь нищета все больше; наконецъ, надобно, и иногда по нѣскольку разъ, растолковать каждому, ка̀къ и когда принимать лекарство и что̀ вообще слѣдуетъ ему дѣлать. При этомъ больные часто обращаются и просятъ разъясненія для такихъ, напр., вопросовъ, что, молъ, какъ надо принимать порошки—въ рюмкѣ или въ ложкѣ? Часто бабы путаютъ адреса; иная не сразу вспомнитъ имя своего ребенка: „много ихъ у меня, матушка,—запамятовала“. Для всего этого нужно много времени и много терпѣнія и вниманія. Бабы къ тому же сплошь и рядомъ лѣзутъ съ своими вовсе неотносящимися къ дѣлу разговорами, которые между тѣмъ онѣ такъ любятъ, что трудно ихъ и сдерживать въ этомъ случаѣ. Иная, наприм., съ увлеченіемъ и подробностями начнетъ разсказывать про то, какъ и когда и отъ какой болѣзни умеръ ея мужъ, сколько у нея осталось дѣтей и какъ ея квартирная хозяйка, не боясь Бога, выгнала ее подъ Рождество съ квартиры. А иногда еще и такія вещи случаются, тоже безъ нужды затягивающія время: въ то время, какъ какая-нибудь Пелагея Горюнова затѣетъ разсказъ въ родѣ приведеннаго, попросишь ее разстегнуть платье, чтобы осмотрѣть ее,—а она вдругъ заупрямится, застыдится своего грязнаго бѣлья,—приходится уговаривать; иная такъ-таки и не согласится,—ска-

жетъ, что не думала, что докторша будетъ ее осматривать, и попроситъ позволенія придти въ другой разъ. На одни потомъ благодарности и благопожеланія, которыя непремѣнно каждый и особенно каждая изъ больныхъ считаетъ нужнымъ высказать докторшѣ послѣ пріема, порядочно уходитъ времени.

И вотъ—съ восьми часовъ начинаютъ въ мою пріемную одинъ за другимъ входить: бабы съ дѣтишками и безъ дѣтишекъ, мужики, парни, мальчишки, дѣвчонки, старики, старухи,—всѣ съ какими-нибудь недугами своими и, значитъ, съ какимъ-либо горемъ своимъ и страданіями. Въ какомъ именно родѣ приходится прямо уже по дѣлу заниматься со всѣмъ этимъ людомъ—можно видѣть изъ нѣсколькихъ примѣровъ. Я должна предупредить, что главное мѣсто въ моемъ описаніи я даю своимъ визитамъ къ больнымъ на домахъ; на думскомъ врачѣ лежитъ обязанность: сначала принять у себя въ квартирѣ приходящихъ больныхъ, а затѣмъ посѣтить на дому тѣхъ изъ нихъ, которые не въ состояніи къ нему придти, и о которыхъ будетъ ему сообщено (доставлены адресы), или въ тотъ же день, или наканунѣ. Я дала главное мѣсто этимъ визитамъ потому, во-первыхъ, что считаю ихъ наиболѣе интересными, такъ какъ при нихъ приходится имѣть дѣло съ болѣе тяжелыми больными, и главное—приходится сталкиваться непосредственно съ домашнимъ бытомъ больныхъ, а затѣмъ я считаю эти визиты наиболѣе характерными по отношенію къ дѣятельности думскаго врача, частію вслѣдствіе сказаннаго, а также и потому, что именно эти визиты составляютъ наиболѣе трудную и сложную часть этой дѣятельности.

II.

Такъ, приведу нѣсколько примѣровъ изъ моихъ амбулаторныхъ пріемовъ. Входитъ въ пріемную женщина съ дѣвочкою, которую она уже приводила ко мнѣ прежде,—у дѣвочки была на шеѣ большая плотная опухоль. Я назначила тогда ей дѣлать припарки къ опухоли: опухоль размягчилась, образовался нарывъ и вскрылся. Женщина очень довольна, благодаритъ меня, говоритъ, что теперь все хорошо,—только вотъ язва не заживаетъ. Развязываетъ платокъ съ опухоли—и я вижу: на язву налѣплены зеленые березовые листья,—значитъ, примѣнена уже своя терапія. Я осторожно снимаю листья и, пока ничего не говоря, кладу ихъ въ тазикъ, который тутъ же стоитъ на табуретѣ; промываю язву водою съ карболкою, сыплю на нее іодоформъ: но

не успѣла я отойти къ шкафу, чтобы взять ваты и бинтъ, какъ мать, вѣроятно изъ желанія помочь мнѣ, протянула руку къ тазику, взяла испачканный гноемъ березовый листъ, поплевала на него и моментально опять налѣпила его на язву. Значитъ, лечи—и тутъ же еще исправляй глупое вмѣшательство матери. И кромѣ того, нужно же было мнѣ хоть сколько-нибудь растолковать этой бабѣ нелѣпость и вредъ вообще сдѣланнаго ею, и надо это дѣлать съ возможнымъ хладнокровіемъ и сдержанностью: иначе, если горячиться, начать кричать,—баба растеряется и совсѣмъ ничего не пойметъ и не замѣтитъ. Я вѣрю и убѣждаюсь изъ опыта, что разговоры съ этими людьми въ концѣ концовъ не пропадаютъ даромъ: не сразу, а постепенно все-таки достигается какая-либо польза; что-нибудь изъ того, что̀ говоришь имъ, все-таки остается въ ихъ головахъ и усвояется и примѣняется на дѣлѣ. Но чтобъ добиваться толку, нужно много терпѣнія и самообладанія и настойчивости. А терпѣніе и самообладаніе съ этимъ людомъ часто—ахъ, какъ бываютъ трудны!

Входитъ баба съ грудным ребенкомъ—въ первый разъ. Записавъ его въ книгу, спрашиваю, что̀ съ ребенкомъ. „Кричитъ, не унимается день и ночь, грудь мало беретъ“. Велю положить ребенка на столъ и распеленать, при чемъ прежде всего обращаю вниманіе на то, какъ содержится ребенокъ,—чистъ ли онъ, вымытъ ли и чисто ли бѣлье. Какъ въ большинствѣ случаевъ, оказывается — ни то, ни другое не соблюдается: ребенокъ не мытъ, должно быть, недѣли двѣ, пеленки и рубашонка испачканныя, грязныя. Начинаю читать нотацію. „Какъ же тебѣ не грѣхъ, не стыдно—держать ребенка въ такой грязи! Ужъ если ты къ докторшѣ принесла его такимъ, такъ дома, вѣрно, и еще грязнѣе его водишь“.—„Боялась, родная, боялась купать то его: думала—хуже бы не было отъ купанья-то“.—„Хуже будетъ отъ грязи, а чистота никогда не вредитъ. А рубашку и пеленки тоже боялась выстирать? Вѣдь отъ грязи у него сыпь пойдетъ по тѣлу: а тебѣ и не вдомёкъ будетъ, что это оттого, что ты полѣнилась лишній разъ вымыть его или выстирать рубашонку и пеленки“. Баба очевидно не находитъ, что̀ возразить, — конфузится и молчитъ. Иная начнетъ при этомъ извиняться: „извините, госпожа докторша!“—какъ будто то, что̀ я стараюсь внушить, нужно для меня! Впрочемъ это хорошо, если извиняется: значитъ, сознаетъ свою вину и постарается исправиться. Осматриваю ребенка, который, конечно, при этомъ благимъ матомъ кричитъ: смотрю у него ротъ, зѣвъ, выслушиваю грудь; отъ матери, что̀ нужно, узнала уже прежде: убѣждаюсь, что вся болѣзнь ребенка и причина его крика

—въ желудкѣ. Спрашиваю, чѣмъ кормитъ. „Грудью, милая, грудью, да вотъ когда соску даю“.—„А что въ соску кладешь?“—„Да булочку, або сухарикъ,—пожую и кладу“.—„Ну, вотъ! я такъ и знала! Такъ вотъ что: ты вѣрно этого еще не знаешь, никто тебя не научилъ,—грудному ребенку ничего, кромѣ молока, нельзя давать; отъ всего другого у него непремѣнно разстроится и будетъ болѣть желудокъ, и онъ будетъ кричать, вотъ такъ же, какъ у тебя теперь кричитъ. Да еще жуешь и жеванное кладешь въ соску!“—„Отъ матери-то, говорятъ, ничего, хорошо“.—„Вѣрно, хорошо, если ты его ко мнѣ принесла! А я тебѣ говорю, что это совсѣмъ нехорошо, — напротивъ, очень дурно: мало ли что можетъ быть у тебя во рту! ротъ можетъ быть и нечистый, или болѣзнь какая въ немъ есть или была: а для ребенка это гибель. Да ничего ему, кромѣ молока, и давать нельзя. Ты вотъ сказала, что у тебя седьмой, и что всѣ прежніе маленькими помирали: а ты подумала ли когда-нибудь, отчего это у другихъ живутъ, а у тебя умираютъ? Оттого, можетъ быть, и помирали, что ты такъ за ними ходишь: держала въ грязи, да соскою съ жеваною булкою кормила. Будешь кормить соскою — и этотъ помретъ“. Баба видимо оробѣла.—„Долго ли ребенку желудокъ испортить! А желудокъ у него испорченъ, онъ и весь боленъ, и ему до смерти не далеко. Корми только грудью, а если ужъ когда и соску дашь—можетъ своего-то молока мало,—такъ давай соску съ свѣжимъ коровьимъ и прокипяченымъ молокомъ; смѣшай пополамъ съ кипяченою водою, непремѣнно съ кипяченою—и давай. А теперь, такъ какъ желудокъ ужъ у него испорченъ, вотъ давай ему эти порошки,—три раза въ день по порошку, въ кипяченой также водѣ, въ ложечкѣ“.

Является женщина, у которой я лечила прежде язвы на ногахъ. Она ходила ко мнѣ на перевязку аккуратно черезъ день недѣли три; язвы совсѣмъ-было почти прошли, и она перестала ко мнѣ являться. Съ тѣхъ поръ прошло недѣли двѣ. Я встрѣчаю ее какъ старую знакомую, и, думая, что у нея ноги совсѣмъ уже зажили, спрашиваю, что у нея теперь болитъ: къ моему удивленію, она садится и начинаетъ разбинтовывать свои ноги, и моимъ глазамъ представилась картина ужасная: болѣзнь стала гораздо хуже, чѣмъ была, когда баба въ первый разъ ко мнѣ пришла. Оказывается: когда язвы совсѣмъ уже почти зажили, ей одна знакомая дала мази и сказала, что отъ нея все скоро пройдетъ; но увы! отъ данной мази стало дѣлаться все хуже и хуже; къ докторшѣ уже совѣстно было идти,—помазала еще какою-то мазью. А когда уже силъ не стало терпѣть,—явилась. „Зачѣмъ

же ты опять пришла ко мнѣ?“ говорю бабѣ съ нескрываемою досадою и злобою: „вѣдь я, значитъ, тебя плохо лечила, если ты стала лечиться у бабъ! Ты думаешь, что бабы скорѣе вылечатъ,—такъ и иди-жъ теперь, лечись у нихъ“. Баба мнется на мѣстѣ и дѣлаетъ жалобную гримасу. „Уходи и не смѣй больше ко мнѣ показываться; только время отнимаешь: я такихъ лечить не буду“.—„Прости, милосердная, прости!“—„Что мнѣ въ твоемъ „прости“! Вѣдь твои ноги болятъ, не мои: дѣлай съ ними что хочешь,—твоя воля! Уходи, уходи,—некогда мнѣ: видѣла, сколько народу ждетъ въ передней? уходи!“ Баба не двигается съ мѣста и начинаетъ голосить и причитать: „Пропали мои ноженьки! куда-жъ я теперь пойду! несчастная моя головушка! горькая моя долюшка!“ Что будешь съ нею дѣлать: не прогнать же ее въ самомъ дѣлѣ. Но и не поругать также нельзя: не вытерпишь, да и ей это нужно. „Будешь меня одну слушаться?—говорю ей наконецъ:—не станешь слушать другихъ?“—„Буду, буду, вѣкъ буду тебя слушать, и другимъ накажу слушать!—голоситъ уже совсѣмъ баба:—не оставь, милосердная, не оставь!“—„Только теперь ужъ придется тебѣ ходить не три недѣли,—хочу еще больше попугать ее,—а три мѣсяца: сама виновата—такъ растравила язвы! И знай, если опять станешь меня обманывать, Богъ накажетъ тебя: меня обманешь, а Бога не обманешь, — останешься тогда совсѣмъ безъ ногъ,—попомни мое слово!“ Сдѣлала ей опять перевязку. Вотъ, сколько нужно бываетъ разговору. И подобныя приведенной исторіи не въ рѣдкость.

Но бываютъ и пріятные, утѣшительные случаи. Сегодня, напримѣръ, входитъ мужикъ среднихъ лѣтъ и вдругъ, ни слова не говоря, кланяется мнѣ въ ноги. „Что ты, Господь съ тобою! зачѣмъ это? я ужасно этого не люблю“. Опять безмолвный поклонъ. „Скажи, что тебѣ нужно“.—„Вотъ, матушка, безъ костылей, самъ къ тебѣ пришелъ: такую ты мнѣ помогу дала! Думаю: какъ встану, такъ и пойду перво-наперво докторшѣ въ ноги поклонюсь. Вѣдь на костыляхъ еле ходилъ! а боль-то, боль какая была! Всюду кидалась, а выйти никакъ не могла. Какъ зачалъ я твое лекарство пить, что въ бутылочкѣ на девять дѣнъ дала,—такъ она это и начала выходить,—такъ и выходитъ, и выходитъ. Какъ ты приказывала, все выполнилъ: девять дѣнъ пролежалъ, выпилъ бутылочку и, значитъ, эту, какъ ее, клееночку-то съ тряпочками все на колѣнки навязывалъ и ватой закрывалъ,—на девятый день какъ рукой сняло!“—„Очень рада, что помогло тебѣ, оттого, что послушался меня и исполнилъ все, что я велѣла.—„Дай ты мнѣ еще этого лекарствица-то, чтобъ ужъ всю ее вы-

гнать“.—„Лекарства еще дамъ. Да бойся простуды,—потеплѣе обувай ноги“. У мужика былъ острый сочленовный ревматизмъ. Я ему дала растворъ салициловаго натра—принимать внутрь, научила его, какъ накладывать на больныя мѣста ногъ согрѣвающіе компрессы, дала матеріалъ для этого и велѣла полежать не вставая девять дней. Онъ все исполнилъ—и вотъ выздоровѣлъ.

Начавъ съ восьми часовъ, я окончила пріемъ къ двѣнадцати. Впереди предстояла главная работа—визиты къ больнымъ на домахъ, которыхъ въ настоящій день нужно было сдѣлать одиннадцать. Я хотѣла часъ-другой отдохнуть, закусить и потомъ отправляться въ походъ. Но не тутъ-то было: вбѣгаетъ въ прихожую страшно перепуганная и разстроенная женщина, на рукахъ ребенокъ лѣтъ двухъ—съ ошпареннымъ лицомъ и шеей; ребенокъ отъ крику даже хрипитъ, мать плачетъ... Не могла же я отказать этой женщинѣ на томъ только основаніи, что она опоздала (по думскимъ правиламъ пріемъ полагается только до десяти часовъ). Сдѣлала ребенку повязку. Только-что я это окончила, является фабричный мастеровой и проситъ выдать свидѣтельство о смерти его мальчика. „Ты бы приходилъ пораньше, — говорю ему: — мнѣ некогда, я должна спѣшить къ больнымъ; приходи завтра утромъ; да и мнѣ надо же самой посмотрѣть, дѣйствительно ли умеръ мальчикъ: безъ этого вѣдь намъ запрещено выдавать свидѣтельства“.—„Да завтра утромъ мы его хоронить будемъ: онъ ноньче ночью померъ, утромъ я ходилъ къ батюшкѣ,—тамъ прождалъ: сдѣлайте милость — не задержите?“ Кланяется, проситъ. „Что-жъ его держать!—думаю:—теперь жарко, въ квартирѣ народу много,—живетъ, конечно, какъ и всѣ эти мастеровые, въ одной квартиренкѣ съ другими такими же бѣдняками; притомъ кланяется“. Пишу свидѣтельство. Вдругъ слышу въ прихожей: „Прости, родная, прости,—опоздала! знаю, что опоздала, да ноги не ходятъ, — стара стала; и рано вышла изъ дому, да по дорогѣ разъ пять отдыхала. За мазью-то ты велѣла прійти,—не откажи, желанная, сладкая,—Господь тебя не оставитъ“. Говорила это страшно запыхавшаяся, тяжело переводя духъ и опускаясь въ прихожей на стулъ, дряхлая старуха. „Давно бы пора на покой, да Господь забылъ про меня грѣшную!“ Даю старухѣ мазь. Послѣ этого я, боясь, чтобъ еще кто-нибудь не задержалъ, поскорѣе одѣваюсь, на ходу закусывая, и поспѣшно выбѣгаю изъ квартиры.

III.

Итакъ, иду дѣлать визиты. Жара страшная, солнце такъ и палитъ. Нужно сказать, что участокъ мой приходится въ одной изъ окраинъ города, а потому путешествовать приходится много. Пройдя съ полверсты, я отыскиваю первый нужный № дома 31. Звоню, чтобы вызвать дворника и спросить, гдѣ квартира № 20; но звонокъ оборванъ, торчитъ одна проволока,— по ней нахожу дворницкую; отворяю: маленькая комнатка, на половину заставленная кроватью; въ углу передъ столомъ сидитъ молодая женщина, очевидно, дворничиха, съ нахмуреннымъ лицомъ; у нея на рукахъ ребенокъ, на полу еще двое; она набираетъ ложечкою изъ крохотнаго горшечка, который стоитъ на столѣ, кашу, подержитъ ее немного во рту, вѣроятно чтобъ согрѣть и обслюнявить, и запихиваетъ ребенку въ ротъ; тотъ кричитъ, дѣлаетъ глотательныя движенія, выплевываетъ изо рта,— она пальцами собираетъ у него со щекъ и съ подбородка кашу и опять суетъ ему въ ротъ; все это продѣлываетъ она такъ ловко и быстро, что видишь только мелькающую ложку,—видно, опытная уже въ этомъ дѣлѣ рука. Баба такъ поглощена своимъ занятіемъ, что не замѣчаетъ—какъ я вошла. „Гдѣ дворникъ?“ спрашиваю.—„А не знаю; вѣрно въ портерную ушелъ“.—„Гдѣ № 20-й квартиры?“—„А не знаю“.—Ребенокъ въ это время поднялъ невообразимый крикъ; баба стала его трясти изо всей мочи, поднялась, шлёпнула ребенка, который попался ей подъ ноги,—тотъ тоже заоралъ... Вхожу въ эти подробности,—чтобы показать, какъ не легко бываетъ иногда даже отыскать нужный № квартиры. Я вышла на дворъ — и тотчасъ же вокругъ меня собралась цѣлая публика изъ дѣтей; я обратилась къ дѣвочкѣ, которая была постарше: не знаетъ ли она, гдѣ № квартиры 20-й.—„А вамъ кого надо?“—„Да не знаю—тамъ кто-то боленъ“. Дѣвочка ведетъ меня: сначала проходимъ черезъ одинъ дворъ, потомъ черезъ другой и, наконецъ, на третьемъ дѣвочка подводитъ меня къ маленькому, полуразрушенному деревянному домишку: нужный № квартиры оказался въ этомъ домишкѣ, на чердакѣ, подъ самою деревянною крышею. Взбираюсь; лѣстница шатается, кое-гдѣ не хватаетъ ступенекъ; наконецъ, вижу—на маленькой дверкѣ написано мѣломъ: № 20. Отворяю: крошечная комната съ низкимъ потолкомъ; у покосившагося окна сидитъ къ дверямъ спиною, въ одномъ бѣльѣ, дряхлый старикъ и согнувшись что-то шьетъ. На кровати около печки лежитъ сухень-

кая, маленькая, сморщенная старушонка,—глаза закрыты, губы запеклись. Подхожу къ ней и начинаю ее осматривать и разспрашивать: у старухи оказался брюшной тифъ.—„Тебя въ больницу, бабушка, надо отправить,—говорю ей:—болѣзнь у тебя тяжелая—дома не вылечишься; нуженъ за тобою уходъ хорошій, надо лекарство давать вѣ-время, надо тебя кормить хорошо, а тутъ кто же за тобой будетъ ухаживать?“—„А это я могу-съ, поухаживаю, какъ прикажете“,—слышу сзади; оборачиваюсь: передо мной, выпрямившись, стоитъ въ мундирѣ старый николаевскій солдатъ, вся грудь въ орденахъ, чубъ на головѣ приглаженъ, руки по швамъ, грудь впередъ, голова вверхъ. Когда этотъ дряхлый, согнувшійся старикъ, сидѣвшій у окна, успѣлъ преобразиться въ такого браваго молодца!—я подивилась. И вотъ что я отъ него узнала: самъ онъ пристроенъ въ богадельню, старуха же его еще на волѣ, можетъ кое-какъ заработывать себѣ пропитаніе, и даже ему въ богадельню гостинцевъ приноситъ; хоть и дряхлая старуха, а работящая: лѣтомъ на Сѣнную пойдетъ, ягоды для варенья чиститъ,—по 15 к. въ день получаетъ,—по ея лѣтамъ заработокъ хорошій; а то гдѣ помретъ кто, позовутъ покойника омыть,—это она тоже можетъ: вѣдь не каждая это съумѣетъ,—тутъ тоже нужно понимать, чтобъ другого-то покойника въ домѣ не случилось; бѣлье, въ которомъ померъ покойникъ, ужъ ей поступаетъ, да за труды что-нибудь жалуютъ. „Въ богадельню-то ей, говорятъ, еще года не вышли. Да какое! и дѣтей всѣхъ они пережили, и внуковъ, и правнуковъ,—всѣ родные какъ есть перемерли,—двое съ нею только и остались на бѣломъ свѣтѣ.—„Ну, если тебѣ жалко старуху, то послужи ей хорошенько,—говорю старику:—приди завтра ко мнѣ утромъ за лекарствомъ, а теперь вотъ давай ей эти порошки—одинъ теперь же дай, а другой вечеромъ, въ рюмкѣ или въ ложкѣ съ водою“. И затѣмъ даю старику подробныя наставленія, какъ надо вообще ухаживать за больною: чѣмъ кормить ее и поить, какъ накладывать ей на голову холодные компрессы, насчетъ возможно частой перемѣны бѣлья и т. д., говорю, между прочимъ, чтобы давалъ старухѣ раза три въ день по чайной ложкѣ водки. Старикъ все время, какъ я говорила, продолжалъ стоять въ вытяжку и все повторялъ: „слушаю-съ, слушаю-съ“, или: „сдѣлаемъ-съ“, а въ заключеніе, какъ я кончила, онъ съ особенною рѣшительностью произнесъ: „все будетъ исполнено—какъ приказываете“. Думаю—на такую сидѣлку можно положиться,—простилась и ушла.

Только-что я прошла первый дворъ—догоняетъ меня дѣвочка

лѣтъ двѣнадцати,—худенькая, тоненькая, блѣдненькая. — „Госпожа докторша! зайдите къ намъ: папа очень боленъ“.—„А что у него болитъ?“—„Да у него рука подвязана“.—„Такъ скажи папѣ, чтобы завтра утромъ ко мнѣ пришелъ,—тамъ и посмотрю ему руку“.—„Да ему нельзя идти,—онъ безъ рубахи даже, а рука привязана къ потолку“. Что за исторія! думаю: надо зайти, —все равно завтра принесутъ адресъ,—лучше ужъ сегодня зайти. Иду за дѣвочкою,—приходимъ: на кровати сидитъ больной старикъ, грудь обвязана большимъ платкомъ, руки голыя; въ потолкѣ надъ кроватью вбитъ большой гвоздь, къ гвоздю привязано полотенце въ видѣ петли, и въ эту петлю вложена правая рука старика—вся распухшая, красная. Я осматриваю его и вижу: подъ мышкою большая синебагровая опухоль, величиною съ яблоко. Боленъ уже двѣ недѣли; что дальше, то хуже. Мазалъ керосиномъ, примачивалъ водкою, натиралъ масломъ деревяннымъ, прикладывалъ хлѣбъ съ солью,—все пользы нѣтъ.—„А что же къ доктору не пошелъ?“—„Да нельзя,—на службѣ“. Старикъ служитъ сторожемъ гдѣ-то, получаетъ 8 рублей. Жена умерла давно отъ чахотки; старшая дѣвочка живетъ въ услуженіи, а младшая при немъ; младшую онъ никуда не хочетъ отдавать—жалко: послѣ матери осталась двухъ лѣтъ—и такая слабенькая; онъ боится, чтобы она тоже не умерла отъ чахотки—все кашляетъ. Да и дома нужна: она и сваритъ, и починитъ, и постираетъ.—„Есть у васъ вата?“—спрашиваю у дѣвочки.—„Нѣту, да я сейчасъ сбѣгаю въ суровскую“, и убѣжала. Чтобъ не терять времени, я пошла въ сѣни, набрала въ ковшикъ воды, вылила въ чашку, достала изъ своей сумки сулему, кусокъ клеенки, марлевыхъ тряпочекъ и свой наборъ съ инструментами. Сторожъ, увидя, что я достаю ножичекъ, испугался.—„Вы рѣзать будете? охъ, я боюсь этого! лѣтъ тридцать назадъ мнѣ рѣзали ногу,—я и теперь хромаю: а если руку-то, да еще правую, что я буду дѣлать безъ руки-то?!“—„Успокойся, я рѣзать не буду,—я только проколю нарывъ и выпущу гной: сейчасъ же тебѣ полегчаетъ и ты опустишь руку. А рѣзать не буду“. Прибѣжала дѣвочка и принесла вату. Я попросила у нея полотенце и ножницы, разрѣзала полотенце на узкія полосы и велѣла дѣвочкѣ сшить ихъ въ видѣ бинта. Дѣвочка помогала мнѣ съ большимъ усердіемъ и торопливостью,—вообще видно было, что она любитъ своего отца. Пока она шила, я обмыла опухоль и вскрыла; потекла масса гною. Больной даже не почувствовалъ укола.—„Ну, дѣвочка, смотри, какъ я буду ему перевязывать: такъ и ты потомъ дѣлай,—учись. Вотъ: клади такъ ему сначала марлевую тряпочку чистую—я

тебѣ оставлю такихъ тряпочекъ,—намачивай ихъ прежде вотъ въ этой водѣ, что въ чашкѣ; потомъ положи вотъ такъ клеенку сверху, а потомъ побольше ваты; давай, что ты принесла,—всю надо положить, чтобы ему мягче подъ мышкою было; а теперь давай твой бинтъ: чтобъ все это у него хорошо держалось, вотъ такъ и забинтуй". Дѣвочка со вниманіемъ слѣдила, какъ я дѣлала, поддерживая въ то же время больную руку отца. „Теперь давай ему рубаху надѣнемъ,—онъ уже можетъ руку опустить и рубаха не будетъ ему давить". Надѣли рубаху. Дѣвочка сіяетъ; больной перекрестился: „Господи, свѣтъ увидѣлъ!"—прошепталъ онъ.—„Ты, дѣвочка, дня два ему такъ перевязывай—утромъ и вечеромъ, а на третій день пусть онъ самъ придетъ ко мнѣ,—я посмотрю и мази дамъ, чтобы скорѣе заживало. А вотъ это все грязное—вату, эти тряпочки, которыми я вытирала у него гной—видишь, онѣ всѣ испачканы гноемъ,—ты сейчасъ же брось въ печку и сожги".—„Да говорятъ—не хорошо это жечь,—говоритъ больной: — болѣзнь не пройдетъ, если что изъ боли выходитъ—жечь".—„Ну, ты ужъ слушай меня, а не то, что болтаютъ зря темные люди: вѣдь ты видишь—я тебѣ худа не желаю, а хочу тебя вылечить—и облегчила ужъ твою болѣзнь, ты самъ это почувствовалъ: ну и слушай же, что я говорю. Если всю эту грязь бросить куда-нибудь на полъ, въ соръ, на дворъ,—тамъ дѣтишки бѣгаютъ: какой наступитъ босою ногою, какой еще ручонками схватитъ да въ ротъ возьметъ—хорошо это? Потомъ вѣдь все это высохнетъ, въ воздухъ перейдетъ, а вы этимъ воздухомъ дышать будете: можетъ, и къ другому пристать болѣзнь-то; еще и дѣвочка твоя, пожалуй, заразится".—„Сожги ужъ, поскорѣе сожги!"—говоритъ старикъ дѣвочкѣ. Я все-таки, впрочемъ, осталась въ недоумѣніи: потому ли онъ согласился сжечь тряпки, что повѣрилъ моимъ словамъ—и испугался, что дѣвочка можетъ заразиться, или же просто—чтобъ отдѣлаться отъ моихъ нотацій. Мнѣ очень часто приходится разговаривать съ этими людьми по поводу такого рода предразсудка, т.-е. что нехорошо тряпки отъ ранъ сжигать, и никакъ я не могла понять, откуда у нихъ это взялось.—Нельзя жечь, нехорошо, да и только, а почему—никто не скажетъ. Помню, какъ-то разъ я, перевязывая у одной старухи язву на ногѣ, бросила въ топившуюся тутъ же печку загноенныя тряпки отъ язвы: она застонала, заголосила и благимъ матомъ закричала другой, бывшей тутъ же, женщинѣ, чтобы она поскорѣе вытащила тряпки; но было уже поздно,—тряпки сгорѣли. Старуха была не на шутку опечалена и взволнована...

Торопливо я пробѣгаю черезъ три двора,—боюсь, чтобы

опять кто-либо не задержалъ, а у воротъ уже дожидается меня баба: она увидѣла, какъ я прошла туда, и стала поджидать у воротъ; проситъ посмотрѣть ея дочь. Что ни говорю, какъ ни убѣждаю, что мнѣ надо торопиться,—обѣщаю придти завтра,—не слушаетъ никакихъ резоновъ; и воетъ, и стонетъ, и причитаетъ, и пройти мнѣ не даетъ, и слѣдомъ бѣжитъ... Изъ оконъ квартиръ высовываются головы, собирается публика: что подѣлаешь,—захожу. Дѣвушка лѣтъ семнадцати обварила всю грудь кипяткомъ; сначала засыпала ожоги мѣломъ, потомъ картофельною мукою, потомъ посовѣтовали ей примачивать женскимъ молокомъ; явилась баба сосѣдка, нацѣдила ей изъ своей груди стаканъ молока,—дѣвушка и примачивала этимъ молокомъ два дня; молоко отъ жары, конечно, испортилось. И когда такимъ образомъ растравили своимъ домашнимъ леченіемъ ожоги до того, что язвы начали гноиться, появилась сильная воспалительная краснота и страшныя боли,—тогда позвали докторшу; докторша, значитъ, сначала поправляй ихъ грѣхъ, а потомъ уже лечи,—двойная работа: что можно было вылечить въ недѣлю, теперь не вылечить и въ три недѣли. Больная лежитъ на спинѣ, обѣ грудныя железы ничѣмъ не прикрыты,—больно очень; на нихъ садится пыль, мухи ползаютъ по язвамъ. Прописываю мазь, велю купить въ аптекѣ, даю наставленіе—какъ и что дѣлать—и прежде всего дѣлать только то, что я сказала. Почти бѣгомъ устремляюсь на улицу и отправляюсь дальше.

И это сплошь и рядомъ бываетъ,—что, дѣлая одинъ визитъ, по необходимости должна бываешь дѣлать и другіе непредвидѣнные, такъ что, напримѣръ, вмѣсто предположенныхъ одиннадцати визитовъ, сдѣлаешь ихъ, пожалуй, и шестнадцать-семнадцать, а то и больше.

IV.

Минутъ черезъ пятнадцать спѣшной ходьбы, по невыносимой жарѣ, отыскиваю слѣдующій нужный мнѣ домъ. Приходится опять взбираться на чердакъ,—домъ громадный, каменный. Медленно поднимаюсь, отдыхая на каждой площадкѣ; а лѣстница, крутая и грязная, чѣмъ выше, тѣмъ все становится круче и грязнѣе; на площадкахъ и по ступенькамъ красуются ведра съ помоями, корки отъ картофеля, перья, пролитая вода, въ углахъ цѣлыя кучи сора; запахъ — невольно зажимаешь носъ и стараешься какъ можно меньше дышать. Двое дѣтишекъ вмѣстѣ со мною

взбираются,—одинъ лѣтъ трехъ, а другой поменьше—карабкается на четверенькахъ... Вхожу: большая комната съ перегородкою, очевидно, „углы“; множество бабъ—повидимому и изъ сосѣднихъ квартиръ набѣжали,—всѣ взволнованы и стрекочутъ какъ сороки; онѣ такъ увлечены своимъ разговоромъ, что не замѣчаютъ моего прихода.—„Что у васъ такое? въ чемъ дѣло? кто здѣсь боленъ? за мною присылали“. Бабы притихли.—„Да вотъ, госпожа докторша, ребенокъ помираетъ,—говоритъ одна:—не знаемъ, что и дѣлать“. Осматриваю ребенка: крохотный, слабенькій новорожденный; обернутъ онъ въ грязныя тряпки и, вмѣсто свивальника, скрученъ веревочкой; въ ротъ заткнута соска изъ толстой тряпки, соска завязана суровыми нитками, концы ихъ попали тоже въ ротъ ребенка. Я молча вынимаю изо рта соску, подхожу къ окну и выбрасываю ее въ окно. „Чей это ребенокъ? твой?“—спрашиваю я строго у ближайшей бабы; думаю задать ей хорошенько за соску, за веревку, за грязныя тряпки, а потомъ уже разговаривать о болѣзни ребенка. Вдругъ онѣ всѣ разомъ затараторили, одна перебиваетъ другую: оказывается, что у нихъ общее горе. Вмѣстѣ съ ними въ „углу“ жила деревенская дѣвушка, ходила на фабрику, что заработывала—проживала да роднымъ въ деревню посылала, а тутъ пришло время родить: денегъ нѣтъ, отправилась въ родильный домъ, а тамъ ей и говорятъ: новое положеніе вышло—даромъ не принимаютъ, надо шесть рублей заплатить; ну, она тутъ ночью-то въ уголку, за занавѣскою, и родила; „мы и не слыхали, только какъ мальчикъ-то закричалъ, мы и догадались, что вѣрно ей Богъ далъ“. На другой день она его понесла въ воспитательный,—ей и тамъ говорятъ—новое положеніе: даромъ опять же не принимаютъ, двадцать пять рублей надо заплатить,—тогда примутъ. Возвратилась она съ ребенкомъ-то,—раздумалась ли она очень, съ глазу ли, Богъ знаетъ! только ночью ей и сдѣлалось худо, палитъ ее всю какъ огнемъ, говоритъ не вѣсть что; днемъ еще хуже. Вчера свезли въ больницу, а нынче ребенокъ-то и притихъ; то кричалъ, а теперь чуть пищитъ. „Помретъ,—безъ свидѣтельства отъ доктора хоронить не будутъ; спаси Богъ, и насъ въ судъ потянутъ; некрещеный,—боимся, что и мы въ отвѣтѣ будемъ. А кому хлопотать-то? у всякаго своего дѣла много“.—„Эхъ, бабы, бабы! и много васъ тутъ, а толку мало, — говорю я имъ: — дѣвушка ваша заболѣла не съ глазу, а первое оттого, что сама безъ всякой помощи родила,—вы-то спали и никто ей не помогъ, а потомъ на другой же день послѣ родовъ понесла сама въ воспитательный: деревенская вѣдь, ничего не знаетъ,—сколько небойсь

проходила, пока нашла воспитательный! да обратно взошла на вашъ чердакъ; можетъ, не пивши, не ѣвши была. Оттого и заболѣла; родильницѣ надо хоть дня два полежать, чтобы не заболѣть и не испортить себя на всю жизнь. А вы сейчасъ съ глазу! Ну, да теперь ужъ нечего съ этимъ дѣлать,—надо вотъ насчетъ ребенка похлопотать. Съ ребенкомъ вы вотъ что сдѣлайте: онъ не боленъ, а только голоденъ, отощалъ очень, три дня не ѣлъ,—соску ему не давайте, Боже сохрани! отъ соски онъ помретъ; вы вѣдь въ соску пихаете всякую всячину,—и булку, и хлѣбъ, и свеклу, и сухарики, и баранки,—а это для ребенка гибель; новорожденнаго ничѣмъ, кромѣ молока, нельзя кормить, и всего лучше грудью; такъ вотъ что: сколько между вами тутъ съ груднымъ молокомъ?„—„Трое“.—„Ну вотъ и ладно. Вы,—обратилась я къ троимъ указаннымъ бабамъ:—теперь вотъ сидите дома съ дѣтьми, не ходите на работу,—вотъ и покормите его; одна пусть кормитъ утромъ, другая послѣ обѣда, а третья ночью; вѣдь ему немного надо. Дня два такъ покормите, а я тѣмъ временемъ схожу къ приставу и похлопочу—его опредѣлятъ куда-нибудь и безъ денегъ. А если будете ему пихать соску, онъ помретъ, и тогда на вашей же душѣ будетъ грѣхъ. Да не скручивайте его веревочкою, а пеленки непремѣнно выстирать надо. Если постараетесь для чужого ребенка, за это Богъ не забудетъ и вашихъ дѣтей. Ну-ка, возьми, вотъ хоть ты,—обратилась я къ одной изъ троихъ бабъ, что были съ молокомъ:—покорми его; кстати я посмотрю, будетъ ли онъ сосать; можетъ, онъ очень уже слабъ,—скажете: груди не беретъ,—и опять соску пихнете. А если не будетъ сосать, придется его пока съ ложечки кормить. Баба осторожно взяла ребенка на руки, дала ему грудь, потянула съ себя платокъ и прикрыла имъ ребенка: „сосетъ!“—прошептала она, улыбнувшись.—„Ну, вотъ и слава Богу! Выздоровѣетъ,—мать спасибо скажетъ, что не дали умереть съ голоду; можетъ, она его и изъ воспитательнаго возьметъ потомъ. Да и отецъ долженъ объявиться: вѣдь его дитя!“—„Да у него нѣтъ отца“.—„Какъ нѣтъ отца? въ умѣ ли вы?“—„Вѣдь она дѣвушка, какой же отецъ!“—Законный или незаконный, все равно отецъ; не можетъ, не смѣетъ онъ бросить своего ребенка“.—„Это пристяжной-то? ищи вѣтра въ полѣ!“—„А вотъ погодите;—быть можетъ, скоро и на пристяжныхъ отцовъ выйдетъ новое положеніе: это вѣдь они должны будутъ платить и въ воспитательный, и въ родильный; согрѣшилъ—и плати“.

— „А мы больнишныя платимъ!“—слышу мужской охрипшій голосъ: на одной изъ кроватей раздвинулась занавѣска и показа-

лась всклокоченная голова съ заспанною физіономіею, съ припухшими глазами молодого парня.—„Сколько же ты платишь?“—„Рубль и полтора въ годъ“.—„Ну вотъ: если ты заболѣешь,—я приду и дамъ тебѣ лекарства на рубль и полтора,—вотъ и всѣ твои больничныя; а если въ другой разъ заболѣешь, на чьи же деньги тебя лечить? А если въ больницу поступишь, то вѣдь каждый больной обходится рубль въ день. А ты, значитъ, думаешь, что если ты платишь рубль въ годъ больничныхъ, то за это и грѣшить можно, и въ родильный домъ должны принимать, и въ воспитательный твоего ребенка брать, содержать его — кормить, одѣвать, няньчить? Кто же это все обязанъ дѣлать? Самъ согрѣшилъ—самъ и отвѣчай. Ты вотъ сегодня на работу не пошелъ, — вчера вѣрно пьянствовалъ: вотъ отъ нечего дѣлать и подумай хорошенько обо всемъ этомъ, чтобъ и съ тобою не случился такой же грѣхъ“.

— „А вѣдь докторша правду говоритъ!—затрещала одна изъ бабъ:—намедни иду я по набережной,—народу, народу бѣжитъ — страсть! Шла это одна дѣвушка, да въ Неву-то и вздумала бросить узелокъ; ее остановили, а въ узелкѣ-то ребенокъ живенькій; ее сейчасъ схватили, мужики бить начали, руки связали, въ участокъ потащили; принесли ей и ребенка, чтобъ она покормила; а приставъ-то и говоритъ: „развяжите ей руки-то—какъ же она кормить будетъ?“ Приложила она его къ груди-то, — такъ и засосалъ, и засосалъ! Она говоритъ: недѣлю ей самой ѣсть было нечего, въ воспитательный деньги надо платить,—ну и кинула,—нарочно среди бѣлаго дня кинула, чтобъ народъ ребенка спасъ. А пристяжной-то, говорятъ, приказчикъ, 50 рублей получаетъ,—да женатый,—обманывалъ, что холостой; жениться обѣщалъ, а какъ дѣло-то подошло къ концу, говоритъ: „я тебя не знаю и ты меня не знай“. Приказали вѣдь ему платить матери на ребенка-то: не обманывай другой разъ“.

Когда это еще разсказывала баба, гляжу изъ-за перегородки ползетъ ко мнѣ въ сидячемъ положеніи старикъ: руками опирается въ полъ, ноги двигаетъ впередъ: „Полечи, родная! ради Христа полечи! дай мнѣ только встать на ноги-то; самъ бы прибрелъ къ тебѣ, да распухли какъ колоды“. Старикъ начинаетъ развязывать свои ноги: сначала разматываетъ веревочки, тесемочки, обрывочки,—все это служитъ ему вмѣсто бинта,—потомъ начинаетъ снимать: лоскуточки, тряпочки, и суконные, и холщевые, и ситцевые, — кусочки ваты, войлока, бумажки; все, что дѣтишки на дворѣ ни находили мягкаго,—все тащили къ старику, и онъ, за неимѣніемъ настоящихъ тряпокъ, все это и укладывалъ на свои

язвы, чтобы помягче было. Грязь на ногахъ и вонь отъ нихъ ужасныя! — „Чѣмъ ты лечишь?“ — „Да вотъ — кто что скажетъ: маслицемъ отъ лампадки, когда бабы дадутъ, — золою, песочкомъ присыпалъ; сказали — хорошо табакомъ засыпать: сначала табакъ-то объѣлъ, шибко кусало; а то ребятишки скорлупокъ отъ яицъ приносили: говорятъ — тожъ хорошо потолочь и засыпать... Да все пользы нѣтъ! Когда ходилъ-то, изъ-подъ коровы теплое клалъ, — много тогда вышло дряни-то: а все не заживаетъ! Вотъ есть трава — бѣлокопытникъ называется: ужъ какъ она хороша отъ ранъ-то! она въ нашей сторонѣ ростетъ. Ужъ сколько я спрашивалъ! Одинъ добрый человѣкъ далъ сушеной, — говоритъ — это и есть самый бѣлокопытникъ: сыпалъ, сыпалъ, — видно сушеная мало пользы даетъ“. — „Много ты, значитъ, уже пробовалъ лекарствъ, — говорю ему, — и слушалъ — кто что скажетъ, но ты слушалъ все людей темныхъ, которые сами не знаютъ — что и когда нужно. Теперь послушай еще меня: я тебя вылечу; если язвы совсѣмъ и не заживутъ, то ходить ты будешь; только условіе — никого ужъ кромѣ меня не слушать, а иначе и лечить не стану. Посуди самъ: я буду навѣдываться къ тебѣ хоть разъ въ недѣлю, буду давать лекарства, дамъ бинтъ, ваты, тряпокъ хорошихъ, — все это денегъ стоитъ, — а ты возьмешь — да опять послушаешь кого зря и опять начнешь засыпать Богъ знаетъ чѣмъ: тогда всѣ мои труды и лекарства пропадутъ даромъ, а ты останешься безъ ногъ. Я ужъ буду лучше лечить тѣхъ, кто меня слушаетъ“. Старикъ всхлипываетъ, наклоняется и стучитъ лбомъ объ полъ: „Вотъ-те Христосъ, все буду дѣлать — какъ скажешь! помоги только, ради Христа помоги!“ — Въ богадельню его не принимаютъ — язвы на ногахъ, въ больницу не принимаютъ — лечить долго придется, мѣсто только будетъ занимать. Кормится милосердіемъ той же нищеты: дѣтишекъ приглядываетъ — бабы и даютъ ему то щецъ похлебать, то хлѣбца, а въ праздникъ и чайкомъ попоятъ; рубаху выстираютъ. А за уголъ хозяйкѣ онъ самъ платитъ, — все-таки кое-что заработываетъ: дѣлаетъ фонарики изъ бумаги, — на дачахъ господамъ для иллюминацій требуются; паренекъ тутъ изъ магазина бумаги приноситъ, картону, — ну старикъ-то и дѣлаетъ, за сотню копѣекъ 30 получаетъ. Велю прислать ко мнѣ за лекарствомъ и за перевязочнымъ матеріаломъ, толкую старику, что и какъ надо дѣлать. — „Всѣ же его лоскутки и тряпочки, — говорю бабамъ, — сожгите, а то онъ будетъ ихъ беречь; всѣ вѣдь они грязные, гнойные, — все вѣдь это гнить будетъ, а это зараза; я дамъ ему большія тряпки, — ихъ мыть удобно. Какъ вата вся испортится, я еще дамъ. — Да что это

вы на лѣстницѣ такую грязь завели? пройти невозможно! На дворника нечего надѣяться,—сами о себѣ хлопочите: отъ грязи вѣдь и болѣзни у васъ разныя бываютъ. Прощайте!"

Черезъ порядочное время отыскиваю домъ № 29; мнѣ нужна квартира № 62. Тутъ приходится спускаться въ подвалъ, по грязнымъ, скользкимъ ступенькамъ. Вхожу въ темный коридоръ: ничего не вижу, сыро и прохладно, что̀ было бы и пріятно послѣ жары, но пахнетъ помойною ямою и еще какою-то гнилью; протягиваю руку впередъ, чтобы не наткнуться на что-нибудь, и медленно подвигаюсь; дворникъ сказалъ, что дверь—въ концѣ коридора. Нащупываю, отворяю: въ комнатѣ полутемно, окна маленькія, въ одно стекло, выходятъ на панель. Разглядываю: на какомъ-то помостѣ лежитъ больная старуха; худа какъ скелетъ; подушка грязная, въ дырьяхъ, изъ которыхъ торчитъ солома. И затѣмъ въ комнатѣ больше никого. Осматриваю старуху: у нея сильный жаръ, слабость и кашель,—по всѣмъ признакамъ инфлуэнца. При этомъ я замѣчаю, что у старухи на обоихъ плечахъ красныя, съ бѣлыми присохшими пузырями, величиною въ ладонь, мозоли. Недоумѣваю: какія такія тяжести могла таскать на плечахъ своихъ эта дряхлая старуха! Оказывается, что она ежедневно ходила версты за двѣ на Неву; тамъ пригоняютъ плоты изъ большихъ бревенъ, которыя связываются брусьями; бревна продаютъ, а брусья разрубаютъ и тутъ же сбрасываютъ на берегу; какое назначеніе потомъ этимъ брусьямъ—я не знаю, но если дать рабочимъ на табакъ или сороковку, то они позволятъ ихъ брать: старуха и ходила туда разъ по пяти въ день и таскала на плечахъ своихъ вязанки этихъ брусьевъ, — дрова на зиму запасала. Вчера она могла притащить только двѣ вязанки, а сегодня уже не встаетъ. Ей шестьдесятъ лѣтъ; недавно схоронила сына,—осталась невѣстка съ пятью дѣтьми; невѣстка ходитъ на фабрику, а старуха ей подсобляетъ. Христомъ Богомъ умоляетъ она меня вылечить ее,—боится, что невѣсткѣ одной будетъ не поднять на ноги ея пятерыхъ внуковъ, — дѣтей любимаго сына. Я стараюсь успокоить ее, — говорю, что у нея болѣзнь не смертельная, что у нея только сильная простуда; велю ей спокойно полежать съ недѣльку; дала ей выпить порошокъ съ водкою, которая нашлась у нея въ шкафу, — укрыла ее потеплѣе, дала липоваго цвѣту, чтобъ ей заварили вмѣсто чаю, да чтобы она напилась побольше, и велѣла завтра утромъ прислать ко мнѣ за лекарствомъ—принимать внутрь, и за мазью для „мозолей".

V.

Когда я вышла изъ подвала, мнѣ на дворѣ показалось еще жарче, и дѣйствительно—солнце жгло невыносимо. Дѣлается уже тяжеленько ходить, а отбыто только три визита изъ одиннадцати, которые еще нужно сдѣлать. Между тѣмъ извозчика ни одного — такія мѣста—конка не по пути, — приходится по неволѣ тащиться на своихъ на двоихъ. Едва передвигаю ноги; уже не раскрываю зонтика, а опираюсь на него. Въ рукахъ—сумка съ подходящими на всякій случай медикаментами и другими нужными вещами: порошки, капли, пилюли, немного ваты, клеенки, марли, бинта, наборъ простѣйшихъ хирургическихъ инструментовъ, градусникъ, молоточекъ, плэсиметръ, стэтоскопъ, маленькая чернильница съ перомъ и т. под.,—все-таки своего рода тяжесть. Больные большею частію все такая бѣднота, что самъ видишь и во-очію убѣждаешься, что покупать имъ лекарства и все что̀ нужно вообще для леченія — не на что, а иногда и прислать за этимъ некого, или придутъ не въ тотъ часъ, когда назначишь—и не застанутъ меня дома. А потому я и предпочитаю то, что̀ наиболѣе необходимо, носить съ собою.

Ищу домъ № 77. Странно: уже почти конецъ зданіямъ; вижу № дома 63, дальше идетъ заборъ, а потомъ виднѣется огородъ: „Не напутали ли чего, какъ бываетъ иногда, въ адресѣ? можетъ, —вмѣсто 77 мнѣ надо читать 44? Не идти ли лучше назадъ?— думаю:—городового нѣтъ, спросить не у кого... А если въ самомъ дѣлѣ искомый № дальше? все равно завтра опять принесутъ адресъ—и опять придется идти сюда же“... Иду,—прошла огородъ, вижу — домишко № 65: значитъ, надо идти еще дальше. Опять заборъ, потомъ огородъ, березы, опять домишко... Наконецъ, дѣйствительно вижу: на покосившемся ветхомъ домишкѣ въ два этажа написанъ № 77-й; всхожу по деревянной шатающейся лѣстницѣ безъ перилъ на чердакъ—искомая квартира оказалась тамъ, — отворяю дверь — и моимъ глазамъ представилась такая картина: противъ самой двери кровать, на которой лежитъ больной, лѣтъ тридцати-пяти, въ послѣднемъ градусѣ чахотки: это былъ во истину живой мертвецъ, — скелетъ, обтянутый блѣдною, прозрачною кожею, но съ большими, блестящими, ввалившимися глазами. О, эти глаза чахоточныхъ! я ихъ узнаю и отличу всегда: кажется, весь остатокъ жизни сосредоточивается въ нихъ однихъ; тѣло уже почти мертво, но глаза живутъ, хотятъ жить, молятъ, просятъ жизни. Руки какъ плети, ноги какъ тростинки. Больной

нѣсколько приподнимается и говоритъ глухимъ, хриплымъ голосомъ: „Благодаримъ, благодаримъ! ужъ я ждалъ, ждалъ,—думалъ —вы не будете“.—Я очень устала, присѣла на лавку и оглянулась кругомъ: окна нѣтъ, а какое-то четырехугольное отверстіе съ разбитымъ стекломъ, на половину заклеенное бумагою; въ углу большой образъ; у одной стѣны столъ и лавка, у противоположной —помостъ съ набросанными на немъ тряпками, узлами и подушками,—вѣроятно, все это служитъ постелью для жены и дѣтей. Около кровати больного такъ заплевано, что я затрудняюсь, какъ подойти къ нему, чтобъ не испачкать башмаковъ и платья; мокрота вся обсажена мухами: „вѣроятно, въ этой конурѣ большіе милліоны различныхъ бациллъ носятся въ воздухѣ“, подумалось мнѣ. А больной тѣмъ временемъ, видя, что я сижу и молчу, задыхаясь и кашляя — все говоритъ и говоритъ,—торопится все высказать, что̀ у него на душѣ, точно ему легче отъ этого будетъ. „Съизмальства работалъ на заводѣ; въ ротъ капли хмельного во всю жизнь не бралъ. Баба попалась работящая: сначала все недостатки были, — дѣти помирали, ну, а потомъ и на черный день малость откладывали: дѣти жить стали, четверо ихъ у меня, — теперь старшенькому десятый годикъ. Работалъ не покладая рукъ, —штрафу на меня никогда не было; мастеромъ сдѣлали,—жить бы теперь жить—да Бога благодарить: а здоровье-то вотъ Господь и отнялъ; вотъ ужъ другой годъ, какъ хвораю. И началось ни съ чего: кровь горломъ пошла, и съ тѣхъ поръ кашель и кашель... Сначала по докторамъ ходилъ, деньги платилъ, лекарства покупалъ, — все пролечилъ; по лечебницамъ, по больницамъ пошелъ, и сколько ихъ есть въ Питерѣ, всѣ исходилъ... Въ началѣ доктора еще, бывало, посмотрятъ, разспросятъ, грудь выслушаютъ, а теперь и не глядятъ даже и говорить не хотятъ: „поѣзжай“, говорятъ, „въ деревню“, да и только. А какая у меня деревня! мой отецъ завсегда на заводѣ работалъ, и я съизмальства съ нимъ; я и деревни своей не знаю. Пошелъ-было, чтобъ лечь въ больницу,—говорятъ: „ты еще на ногахъ, твоя болѣзнь долгая,— чего тебѣ въ больницѣ лежать?“ Ну, вотъ теперь уже и слегъ! Жена-то на работѣ замучилась. Пошла-было тоже на дняхъ попросить, чтобъ въ больницу меня приняли, а ей и говорятъ: „да онъ у тебя, можетъ, помретъ скоро,—чего-жъ его лечить-то!“ И самъ я такъ думаю, что скоро помру: ужъ отъ меня духъ тяжелый идетъ... Эхъ, вотъ и мастеромъ сдѣлали, а Господь здоровье-то и отнялъ!“

Бѣднягѣ, очевидно, особенно горько было то, что мастеромъ его сдѣлали, а здоровье-то Господь отнялъ „Посмотрите, пожа-

луйста, у меня во рту, — обратился онъ ко мнѣ: — что тамъ такое, — отчего это духъ-то, духъ-то отъ меня идетъ; и вотъ здѣсь въ груди такъ болитъ, и вотъ главное — кашель: еслибы кашель только унять, я бы, можетъ, еще и поправился". Что же смотрѣть его! что слушать эту провалившуюся грудь, въ которой ужъ и легкихъ, должно быть, почти нѣтъ! Но эти блестящіе глаза такъ мучительно-тревожно смотрятъ на меня! и вдругъ подернулись слезою... Нѣтъ, я рѣшительно не могу отказать ему въ этомъ; надо, хоть для утѣшенія умирающаго, изслѣдовать его, тѣмъ болѣе, что онъ уже леченый—и знаетъ всѣ подробности и пріемы изслѣдованія. Смотрю ему зѣвъ, слушаю и тихонько выстукиваю грудь; а мои пальцы такъ и прилипаютъ къ его тѣлу: оно—грязное, покрытое липкимъ потомъ и горячее.

Больной очень доволенъ, лицо просіяло, съ какою-то надеждою смотритъ онъ на меня: давно ужъ, вѣроятно, его такъ не изслѣдовали. „Болѣзнь у васъ трудная,—говорю ему:—вылечить скоро нельзя, а облегчить можно. Прежде всего надо, чтобъ у васъ въ комнатѣ былъ чистый воздухъ: надо отворить окно—оно не отворяется? такъ отклеить эту бумагу; на дворѣ жарко,—не бойтесь, что простудитесь; а дышать вамъ будетъ легче и кашель будетъ меньше". А сама въ это время подхожу къ окну и отдираю бумагу. „На ночь или если станетъ холодно, пусть лучше его затыкаютъ чѣмъ-нибудь, если ужъ не можете устроить форточку. А потомъ не плюйте вы на полъ куда попало: отъ васъ духъ идетъ—сами чувствуете,—вы кашляете и плюете,—все вѣдь это здѣсь на полу отъ жары гніетъ — и отсюда духъ идетъ, а вы этимъ воздухомъ дышете. А потому, какъ жена придетъ съ фабрики, велите ей вымыть хорошенько полъ кипяткомъ, да купите глиняную чашку, налейте въ нее воды, я дамъ вамъ карболки,— вы и подливайте въ воду и плюйте въ эту чашку съ карболкою; да раза три, четыре въ день велите своему сынишкѣ выливать изъ нея. А потомъ вѣдь и отъ тѣла вашего духъ идетъ: въ баню вы не можете сходить, да и не надо,—купите водки, смѣшайте пополамъ съ водою, и пусть жена вамъ на ночь этимъ и вытираетъ губкою все тѣло".—„Это можно, можно",—говоритъ обрадованный больной. „Кушать вы все можете, только не сразу, а понемногу, но почаще, если есть аппетитъ. Вотъ вамъ порошки —два раза въ день принимайте; да пришлите мальчика ко мнѣ завтра утромъ пораньше,—я дамъ мази натирать вамъ грудь и бока, дамъ карболки, чтобы лить въ воду; а чтобъ духъ изо рта не шелъ, пришлю вамъ полосканье. Прощайте!"

Господи, сколько благодарностей и благожеланій услышала я,

уходя! А за что, подумаешь? что обратила вниманіе? да что толку въ этомъ вниманіи, когда дни его уже сочтены!—Тяжело было у меня на душѣ: одинъ,—на чердакѣ, безъ свѣта, безъ воздуха, умираетъ! жена на работѣ, дѣтишки малы,—на дворѣ бѣгаютъ: вѣдь напиться подать некому!—Что можетъ быть несчастнѣе вообще и ужаснѣе положенія чахоточнаго больного! Эти невыносимыя страданія, — этотъ мучительный безпрерывный кашель, разбивающій грудь и все тѣло, эти обильные, разслабляющіе пoты, одышка, боли подъ ребрами, колотье въ бокахъ и груди и ужасная слабость во всемъ тѣлѣ: это мученики и страдальцы, заживо погребенные въ могилу! Болѣзнь тянется долго, а смерть все не приходитъ! Да хорошо еще, если у кого есть средства и любящая семья,—а въ бѣдности! Здѣсь для самыхъ близкихъ людей такой больной становится тяготою: его безпрерывный кашель никому не даетъ спать по ночамъ, его стоны раздражаютъ и ожесточаютъ окружающихъ; онъ уже не работникъ, на него надо работать; всѣ знаютъ, что онъ уже не жилецъ на свѣтѣ, что онъ долженъ умереть,—за нимъ и ухода нѣтъ: слишкомъ долго болѣетъ, чтобъ обращать на него вниманіе. А больной все тянетъ и тянетъ: уже и ноги отекли, ужъ и перевернуться и встать не можетъ, а все живъ и кашляетъ, кашляетъ, и страдаетъ все больше и больше... Мнѣ пришлось встрѣчать мать, нѣжно любившую свою, подвергшуюся этой ужасной болѣзни, дочь—и та, бывало, съ грустью скажетъ: „хоть бы Господь прибралъ скорѣе,—ужъ очень тяжко глядѣть — какъ мучается“. Всѣ окружающіе относятся къ этимъ больнымъ уже не съ участіемъ, а наоборотъ—съ какимъ-то озлобленіемъ и ожесточеніемъ: „хоть бы помиралъ поскорѣе!“ Я помню, какъ одна баба попрекала чахоточнаго старика, что онъ не помираетъ.—„Да я бы и радъ,—вотъ-те Христосъ, радъ бы помереть, да смерть не идетъ!“—„А оттого Господь смерти тебѣ не посылаетъ, что ты нагрѣшилъ вѣрно много; а ты покайся, проси прощенія у Господа, — Онъ и смилуется и скорѣе пошлетъ тебѣ смерть“. Въ больницы чахоточныхъ весьма неохотно принимаютъ: лежатъ они долго и въ концѣ концовъ помираютъ, а кровати нужны для больныхъ съ острыми заболѣваніями, которыхъ можно вылечить; принявъ чахоточнаго —сколько нужно за то время, пока онъ будетъ лежать, отказать больнымъ, которыхъ можно поправить! Мѣстъ въ больницахъ уже не такъ много, чтобы принимать хрониковъ, да и больницъ въ Петербургѣ по его населенію вообще мало, а спеціально для чахоточныхъ и совсѣмъ не имѣется — есть отдѣленія.

VI.

Выхожу опять. А солнце все еще печетъ и печетъ, ни одной тучки на небѣ. Тащусь дальше. Сворачиваю въ переулокъ, вижу—стоитъ конка,—хочу воспользоваться ею, но вагонъ уже двинулся; я бѣгу, чтобъ догнать, несмотря на жару и усталость, — кричу кондуктору, чтобъ остановилъ; тотъ звонитъ, лошади замедляютъ ходъ, но я уже не въ силахъ бѣжать, только иду поскорѣе—и не могу догнать лошадей, которыя идутъ уже шагомъ; наконецъ, конка останавливается,—я сажусь, задыхаясь и обливаясь потомъ. Смотрю въ окно на №№ домовъ; мнѣ нуженъ 33-й—еще далеко—успокоиваюсь; опять смотрю—и вдругъ вижу № 33-й, а конка на всемъ ходу; я кричу кондуктору, чтобъ задержалъ, а кондукторъ на верху—раздаетъ билеты; выхожу на площадку,—думаю: надо беречь каждый шагъ; пока придетъ кондукторъ, конка въ это время проѣдетъ порядочное разстояніе; приготовляюсь спрыгнуть.—„Не дѣлайте этого!“—говоритъ мнѣ какой-то пожилой господинъ, стоявшій на площадкѣ, и начинаетъ звонить. Но я уже на панели. Домъ № 33-й большой, четырехъ-этажный. „Подвалъ или чердакъ?“ думаю; оказывается—подвалъ. Спускаюсь: въ квартирѣ по обыкновенію полутемно, сыро, гнилой запахъ, но хорошо, что хоть прохладно. Здоровенный мужикъ, черный, съ всклокоченными волосами и сумрачный, стоитъ около кровати; на одной рукѣ держитъ дѣвочку лѣтъ двухъ, а другою рукою качаетъ люльку, привѣшенную къ потолку; въ люлькѣ кричитъ ребенокъ; на кровати лежитъ больная женщина,—тяжело дышетъ и не переставая стонетъ. Мужикъ, увидѣвъ меня, посадилъ дѣвочку на кровать,—та заплакала,—подошелъ ко мнѣ и тихо спросилъ:—„не сходить ли за попомъ? жена помираетъ совсѣмъ“. —„Погоди — говорю, — дай посмотрѣть“. Дѣвчонка кричитъ, ребенокъ въ люлькѣ тоже, а мужикъ стоитъ и какъ-то тупо смотритъ на меня и на жену. Осмотрѣвши больную, я говорю: „Въ больницу ее надо отправить,—у нея воспаленіе легкихъ“. Мужъ безнадежно махнулъ рукою: „Пусть ужъ дома помираетъ!“—„Да она поправится, не умретъ“.—„А грудной младенецъ-то какъ же будетъ? вѣдь съ младенцемъ не примутъ; да нѣтъ—что ужъ!..“ Вижу—твердо рѣшилъ, что жена помираетъ и пусть помретъ дома. „Она выздоровѣетъ,—говорю я увѣреннымъ тономъ,—но только за нею уходъ хорошій нуженъ, а вѣдь ты не съумѣешь? Вотъ сейчасъ ей надо горчичники на весь бокъ поставить; сначала нужно на одно мѣсто,—вотъ тутъ, потомъ

пониже, потомъ выше, потомъ сбоку,—сдѣлаешь? съумѣешь?“—„Сдѣлаемъ“,—говоритъ онъ равнодушно. Мнѣ что-то не вѣрится: слишкомъ онъ здоровъ—и о горчичникахъ навѣрное понятія не имѣетъ; будетъ сидѣть, колыхать люльку, поить больную квасомъ, который уже стоитъ на столѣ, да смотрѣть—какъ стонетъ и помираетъ жена. Раскрываю свою сумку, нахожу клеенку и рѣшаю—горчичники замѣнить согрѣвающимъ компрессомъ. „Слушай,—говорю я мужику,—давай мнѣ тряпочку или маленькое полотенце“. На гвоздѣ, вижу, виситъ небольшой байковый платокъ,—беру его и складываю вчетверо. Мужикъ, несмотря на свою неповоротливость, мигомъ открылъ сундукъ и началъ рыться въ немъ; наконецъ, подаетъ два полотенца, хотя и грубаго холста, но чистыя и расшитыя на концахъ красною бумагою. „Эти велики очень, надо въ половину этого поменьше“. Не успѣла я сказать это, какъ онъ моментально разорвалъ полотенце пополамъ. —„Жалко полотенца-то,—говорю,—ты бы поискалъ поменьше“. —„Баба дороже полотенца,—это дѣло наживное“.—„Ну, ладно; а эту другую половину ты сшей съ цѣлымъ полотенцемъ и принеси мнѣ воды“. Мужикъ подаетъ воду въ ковшѣ, я приготовляю компрессъ—и думаю: „что же я дала ему шить! развѣ онъ сможетъ?“ Оглядываюсь — мужикъ уже съ иглою величиною въ спицу и суровыми нитками шьетъ, и игла такъ и мелькаетъ, точно у опытной портнихи: мгновенно полотенца были сшиты. Поворачиваемъ больную, какъ нужно, чтобъ наложить компрессъ. „Ну, вотъ—смотри теперь: клади ей вотъ такъ на бокъ сначала мокрую тряпку; потомъ клеенку, видишь—какъ я кладу,—чтобъ она отовсюду плотно закрывала тряпку; потомъ байковый платокъ; а теперь давай полотенце, которое ты сшилъ, и забинтуй хорошенько, чтобы все это не сползло. А теперь я заколю: булавокъ-то нѣтъ? ну, ничего“. Вынимаю изъ своей головы двѣ шпильки и закалываю. „Точно такъ и ты дѣлай, черезъ каждые три часа; тряпочку-то намачивай каждый разъ въ новой холодной водѣ и выжимай ее хорошенько, какъ я дѣлала. А теперь я напишу рецептъ въ аптеку,—купи лекарство“.—„А дорого?“—„Да вѣдь ты же самъ сказалъ, что жена дороже денегъ“.—„Оно не жалко, а получка-то у насъ будетъ въ субботу“.—„Что, если онъ,—думаю,—отложитъ до субботы и не купитъ лекарства теперь, когда ее еще можно спасти! Займетъ гдѣ-нибудь? а если не дадутъ? а если подумаетъ, что, можетъ-де, и компрессъ одинъ поможетъ безъ лекарства?“—„Ну, если у тебя нѣтъ денегъ, то я напишу въ аптеку записку,—по ней тебѣ дадутъ лекарство и безъ денегъ. Черезъ три часа, какъ будешь мѣнять компрессъ,

и давай ей этого лекарства по ложкѣ; да купи водки и давай ей по рюмкѣ утромъ и вечеромъ. Сдѣлаешь все такъ, какъ я говорю,—жена твоя выздоровѣетъ". Мужикъ кланяется, благодаритъ,—его мрачное лицо немного просвѣтлѣло. Баба затихла. „Кваску не угодно ли?" — говоритъ онъ мнѣ ласково. — „Спасибо, давай". Онъ наливаетъ въ ковшъ изъ горшка квасъ; въ ковшъ падаютъ двѣ мухи,—мужикъ грязными пальцами быстро ихъ вынимаетъ... Что ужъ тутъ думать о заржавленномъ ковшѣ, о мухахъ, о грязныхъ пальцахъ, когда у меня пересохло во рту и я умираю отъ жажды! Съ наслажденіемъ выпиваю я эту тепловатую, кислую, бураго цвѣта, съ какимъ-то неопредѣленнымъ запахомъ влагу, точно самый вкусный и ароматическій напитокъ.

Выхожу на улицу, останавливаюсь, вынимаю книжку съ записанными адресами, чтобы справиться, куда еще идти: вдругъ мимо меня промелькнулъ, приподнявъ шапку, съ веселымъ лицомъ, тотъ самый мужикъ, что только-что поилъ меня квасомъ, и почти бѣгомъ побѣжалъ по направленію къ аптекѣ. Не ожидала я отъ него такой развязности: квасомъ напоилъ, повеселѣлъ, побѣжалъ въ аптеку,—значитъ, повѣрилъ тому, что я говорила. А если повѣрилъ, то женщина выздоровѣетъ. И дѣйствительно: мужикъ аккуратно являлся ко мнѣ за лекарствомъ, въ точности исполнялъ все, что я приказывала, раза три я сама навѣдывалась къ больной,—и черезъ нѣкоторое время она выздоровѣла.

Нанимаю, наконецъ, извозчика, потому больше ходить не въ силахъ. Доѣзжаю до слѣдующаго записаннаго въ книжкѣ дома: дворника не оказывается дома. Блуждаю по двору и ищу Марью Трофимову: на адресѣ № дома означенъ, а квартира не показана,—написано только: больная Марья Трофимова. Наконецъ, отыскиваю: въ деревянномъ флигелишкѣ, во второмъ этажѣ. Большая комната съ перегородкою—„углы"—вся заставлена кроватями съ занавѣсками, столами, лавками, сундуками, корзинами; множество люлекъ; масса бабъ и особенно много дѣтей: подумаешь—откуда ихъ здѣсь столько берется—въ бѣднотѣ! И всѣ-то они большею частію блѣдныя, чахлыя, изнуренныя; посмотришь—отцы и матери—такой здоровенный народъ: какъ-то не вѣрится, что это ихъ дѣти. Двѣ бабы переругиваются между собою, одна слезливо всхлипываетъ. На одной изъ кроватей храпитъ мужикъ. Въ комнатѣ слышенъ запахъ водки и махорки. „Здѣсь больная Марья Трофимова?"—спрашиваю. Публика стихаетъ, и затѣмъ одна баба указываетъ на одну изъ занавѣсокъ: „Вотъ тутъ"... Изъ-за перегородки еще выходятъ бабы и дѣти. Эти дѣтишки всегда такія любопытныя,—вѣчно протискаются ко мнѣ впередъ,

окружатъ меня и смотрятъ какъ ни вѣсть на что. Бабы ихъ шлепаютъ; одинъ, получивъ подзатыльникъ, молча отойдетъ, а другой заоретъ—и получитъ подзатыльникъ еще вдвое сильнѣе. Иная дѣвчонка побойчѣе—подойдетъ сразу ко мнѣ поближе и скажетъ: „здравствуй, тетенька!“ Ну, погладишь ее по головкѣ,—скажешь: „здравствуй, умница“. Не ласкаютъ вѣдь ихъ здѣсь, не забавляютъ, а только все ругаютъ да шлепаютъ. Подхожу къ указанной кровати, открываю занавѣску: на кровати лежитъ навзничь, неподвижно, въ платьѣ женщина; руки сложены на груди, все лицо и шея закрыты толстою, бураго цвѣта, шерстяною тряпкою, осыпанною мѣломъ; на подушкѣ тоже слѣды мѣла, на плечахъ, на платьѣ—всюду мѣлъ. Приподнимаю тряпку: страшно распухшее, съ багровымъ цвѣтомъ, лицо, съ пузырями на губахъ и на лбу; глазъ не видно: вѣки такъ вздулись, что даже рѣсницы скрылись,—и все это ужасное лицо засыпано мѣломъ сѣроватаго цвѣта; пульсъ не сосчитать, жаръ сильнѣйшій. „День или ночь?“ —едва слышно спрашиваетъ больная.—„День,—отвѣчаю я.—Тебя надо отправить въ больницу,—у тебя рожа лица и головы“. —„Вотъ, вотъ,—мы такъ и думали,—затараторили бабы:—говорятъ, отъ рожи надо красную тряпку съ мѣломъ,—красной-то мы не нашли“... „Гдѣ хозяйка? позовите квартирную хозяйку“. Идутъ отыскивать хозяйку.

„Родимая ты моя, желанная, посмотри ты моего мальчишку,—обратилась тѣмъ временемъ ко мнѣ одна изъ бабъ:—кричитъ безперечь, ни днемъ, ни ночью покою не даетъ; только на рукахъ и молчитъ“.—„Принеси его ко мнѣ на домъ,—тамъ и посмотрю; а теперь мнѣ некогда, надо торопиться къ тяжело больнымъ“.—„Да отъ кого уйдешь-то? вѣдь проходишь да прождешь, а у меня смотри—ихъ сколько; будь милостива—взгляни!“—Хозяйки все еще нѣтъ.—„Ну, покажи“. Подхожу къ люлькѣ. Баба приподняла занавѣску и начала распеленывать своего мальчишку,—вижу: мелькаютъ какія-то темноватыя точки—и по грязнымъ пеленкамъ, и на подушкѣ, и на рубашонкѣ, и по оголеннымъ ножкамъ и ручкамъ ребенка; всматриваюсь—клопы; оглядываю веревки, на которыхъ виситъ люлька, полотно, деревянную основу, занавѣску: все, все унизано, усажено клопами. „Да это клоповникъ!—говорю я: — какъ же ты не догадаешься, что ребенокъ твой кричитъ отъ клоповъ?! легла бы сама сюда и попробовала заснуть, да еще руки бы тебѣ связать, какъ у него,—вѣдь онъ спеленатый у тебя лежитъ“.—„Да у насъ въ кроватяхъ еще больше“.—„Да вы большіе,—устанете на работѣ—и не слышите, а ты этого крошку спеленаешь, свяжешь ему руки, ноги и по-

ложишь въ клоповникъ, да еще хочешь, чтобъ онъ не кричалъ,—полечить его просишь отъ крику".—„Да у насъ весь домъ такой,—ихъ не выведешь".—„А я васъ научу, какъ ихъ вывести: всѣ бабы, которыя на работу не ходятъ, а сидятъ дома съ дѣтьми, пусть дня три сряду ошпариваютъ кипяткомъ и мажутъ керосиномъ кровати, доски, щели, люльки; а потомъ каждую субботу, какъ моете полы, и кровати мойте,—и у васъ въ квартирѣ не будетъ ни одного клопа. Слышите, бабы?—говорю я строго:—я вамъ приказываю это сдѣлать; я вѣдь узнаю—у хозяйки, у дворника спрошу; если же вы этого не будете дѣлать, то никогда и не зовите меня—не приду. Вотъ ты сама говоришь, что и дѣвочку твою вылечила, и тебѣ помогу дала: а тогда лечитесь—гдѣ хотите; что мнѣ за охота ходить—гдѣ меня не слушаютъ!"—„Сдѣлаемъ, все сдѣлаемъ, какъ приказываешь!—хоромъ заговорили бабы:—вѣдь это не трудно". Является квартирная хозяйка. „Скажи дворнику, какъ придетъ, чтобъ эту больную отвезъ въ больницу: болѣзнь заразная и опасная,—она можетъ умереть".—„Да на какія деньги ее повезешь? она мнѣ за уголъ не платила два мѣсяца,—у нея нѣтъ ни гроша; а тамъ еще, пожалуй, въ больницѣ не примутъ—только на извозчика истратишься".—„Я дамъ записку,—по моей запискѣ примутъ; а насчетъ денегъ ужъ сама похлопочи: выздоровѣетъ—она тебѣ отдастъ; а то вѣдь тебѣ же хуже будетъ, когда всѣ твои жильцы переболѣютъ, да квартиру твою будутъ обновлять. А намъ этого допустить нельзя, чтобъ такіе больные оставались въ квартирахъ: съ насъ тоже взыскиваютъ, чтобъ зараза не распространялась. Какъ увезутъ больную, приди ко мнѣ,—я дамъ порошка: ты его всыпь въ воду и намочи въ этой водѣ всѣ ея тряпки и высуши, и такою же водою вымой полы, кровати, окна и двери; окна порастворяйте—и пусть такъ постоятъ подольше. Бабы тебѣ помогутъ, а то и онѣ могутъ переболѣть".—„Спаси Христосъ, помилуй Богъ отъ такой напасти!"—„Дѣтишекъ пока прогоните всѣхъ на дворъ, на улицу,—пусть тамъ бѣгаютъ". Хозяйка огорчена, взволнована. Я ухожу.

Слѣдующій адресъ—чердакъ въ деревянномъ домишкѣ, подъ самою крышею. Взбираюсь: сначала мнѣ показалось, что въ квартирѣ никого нѣтъ; потомъ разглядываю: на большой кровати лежитъ страшно исхудалая дѣвочка лѣтъ двухъ; длинные волосенки слиплись у нея отъ пота и падаютъ на глаза; мухи такъ и облѣпили ее, особенно въ углахъ рта и глазъ,—точно черныя пятна; она такъ слаба, что не можетъ ихъ отогнать, или отгоняла, да устала. Увидѣвъ меня, она начала плакать, но какъ-то

тихо, хрипло. Надъ кроватью виситъ люлька съ грязною, дырявою занавѣскою; заглядываю въ люльку — ребенокъ мѣсяцевъ шести, глаза открыты, но странные, безсмысленные и устремлены на одну точку; онъ не переставая двигаетъ головою и тихо стонетъ. И затѣмъ въ квартирѣ больше никого. Я выхожу и отворяю дверь въ другой №, къ сосѣдямъ: въ комнатѣ полутемно, такъ какъ окно выходитъ въ стѣну; на полу въ повалку спятъ мужики,—вѣроятно, былъ часъ ихъ отдыха. „Послушайте, кто живетъ въ 10 №? я—докторша, меня звали къ больнымъ, но тамъ никого нѣтъ, кромѣ дѣтей". Одинъ изъ мужиковъ медленно поднимается, встаетъ съ заспанными глазами и идетъ въ 10 №; я—за нимъ; онъ подошелъ къ люлькѣ и сталъ ее качать.—„Ты отецъ эти ъ дѣтей?"—„Нѣтъ, не отецъ".—„Такъ поди же, пожалуйста, позови поскорѣе: кто-нибудь же смотритъ за этими дѣтьми". Мужикъ ушелъ. Жду минуты двѣ-три; прибѣгаетъ запыхавшись баба и сообщаетъ: „Матери нѣтъ,—она ушла, полы мыть позвали: просила меня приглядѣть,—говоритъ—придетъ докторша, такъ побудь; мужъ-то ея запьянствовалъ, третья недѣля—какъ его нѣтъ, а пить, ѣсть надо,—ну и побѣжала полы мыть; а у меня свои дѣти". Осматриваю больныхъ дѣтей: они оба оказались въ совершенно безнадежномъ состояніи: у дѣвочки катарральное воспаленіе легкихъ въ сильнѣйшей степени, у мальчика—воспаленіе мозга. Даю для дѣвочки капли, для мальчика порошки, говорю бабѣ—какъ давать ихъ, но, воздерживаясь съ ней отъ подробныхъ объясненій, велю передать матери, чтобы та непремѣнно пришла ко мнѣ завтра утромъ на домъ,—и ухожу.

Что же еще можно сдѣлать въ подобномъ случаѣ? Между тѣмъ визиты такого рода, т.-е., когда въ квартирѣ найдешь однихъ маленькихъ дѣтей, между которыми кто-либо или всѣ они больны, а надзоръ за ними порученъ или какой-либо сосѣдкѣ, которую съ трудомъ отъищешь или и вовсе не отъищешь, или же при нихъ окажется какая-либо глухая и изъ ума выжившая старуха, отъ которой ничего не узнаешь и ничего ей не растолкуешь,—такого рода, безполезные совсѣмъ, визиты приходится нерѣдко дѣлать.

VII.

Случается сталкиваться и съ исторіями или, лучше сказать, съ слѣдами исторій, которые отвращаютъ вашъ взоръ отъ того низменнаго люда, съ которымъ непосредственно приходится имѣть дѣло, къ люду высшему, интеллигентному, и даютъ также не-

веселыя впечатлѣнія относительно этого высшаго люда. Прихожу въ квартиру въ подвалѣ, и сначала, по обыкновенію, за темнотою, ничего не вижу; затѣмъ разглядываю старую бабу въ сарафанѣ и около нея немало дѣтишекъ. Въ подвалѣ живетъ нѣсколько семей: все, какъ обыкновенно, загромождено кроватями и разною мебелью; нѣсколько люлекъ. Баба оказалась безъ лѣвой руки, а вмѣсто руки виситъ одинъ рукавъ, завязанный узломъ; она приглядываетъ за дѣтьми, когда матери уходятъ на работу, а тѣ за это кормятъ ее сообща. По воскресеньямъ и праздникамъ старуха стоитъ у церкви,—добрые люди подаютъ ей на ея калѣчество; руку ей лѣтъ двадцать назадъ отрѣзали, послѣ того какъ ее раздробило колесомъ на фабрикѣ; что соберетъ, уплачиваетъ хозяйкѣ за уголъ и одѣвается. Когда дѣти здоровы, ей легко: выгонитъ ихъ на дворъ и приглядываетъ; а теперь на половину больны—все корью. Она подводитъ меня то къ одной, то къ другой кровати, то къ люлькѣ, и сама заявляетъ: „Этотъ помретъ, а эта еще, може, вызволится. А вотъ еще посмотрите двѣ дѣвочки,—говоритъ она мнѣ:—мать наказывала, чтобъ вы особенно поглядѣли вотъ эту—черноглазую". Одна изъ дѣвочекъ пухленькая, съ курносымъ носикомъ, съ маленькими голубенькими глазками,—другая же совсѣмъ иного типа и какъ будто совсѣмъ не по обстановкѣ: тонкія, нѣжныя черты лица, большіе черные глаза, брови какъ нарисованныя и темные, вьющіеся волосы. Подивилась я: какъ это двѣ сестры—и такая неимовѣрная разница! Понятно, почему мать такъ просила поглядѣть и полечить особенно вторую: жаль потерять такую красавицу. У первой дѣвочки оставались еще жаръ и сыпь; черноглазая же совсѣмъ почти выздоровѣла, только былъ еще сильный кашель. Бѣлье на обѣихъ невообразимое,—грязное, ветхое, въ видѣ какихъ-то лохмотьевъ, засиженное насѣкомыми, пропитанное деревяннымъ масломъ. Въ простомъ народѣ почему-то твердо убѣждены, что если сыпь на тѣлѣ, то не слѣдуетъ мѣнять бѣлье, пока сыпь не пройдетъ. Много съ ними приходится изъ-за этого воевать и убѣждать, и просто приказывать. И вотъ старуха сообщила мнѣ, что красавица-то дѣвочка—дочь какой-то француженки-гувернантки; мать отдала дѣвочку бабѣ на грудь и сначала года два платила за нее по 5 р. въ мѣсяцъ, и хоть не часто, а все-таки приходила навѣщать, приносила и чаю, и сахару, и бѣлья; но теперь вотъ ужъ годъ, какъ не является: „може, померла; може, уѣхала куда". Баба-то все ждетъ—не думаетъ, чтобы мать кинула дитя свое. Гдѣ жила эта гувернантка, неизвѣстно,—у бабы нѣтъ никакой бумаги, и разъискать мать невозможно.

Баба-то и боится, что какъ дѣвочка помретъ—она ничего за нее не получитъ, а если останется жива, то авось мать заплатитъ, какъ объявится. Я велю бабѣ передать матерямъ, чтобъ пришли или прислали ко мнѣ за лекарствомъ для дѣтей, и чтобъ тотчасъ же, какъ придутъ, у всѣхъ дѣтей перемѣнили бѣлье, а если у кого нѣтъ чистаго—чтобъ сегодня же выстирали: „иначе не буду лечить, если въ другой разъ приду—и увижу такую грязь; такъ и скажи бабамъ“. Старуха обѣщаетъ въ точности передать мои приказанія.

На слѣдующемъ затѣмъ визитѣ мнѣ пришлось, во-первыхъ, опять увидѣть нѣкоторыя отраженія на низшемъ людѣ люда высшаго, а затѣмъ пришлось, подъ вліяніемъ одного факта, испытать горькое чувство отъ сознанія, что вотъ какъ будто и трудишься, и стараешься принесть хоть какую-нибудь пользу людямъ, и вдругъ, даже въ то время, когда будешь представлять эту пользу почти достигнутою, она можетъ быть совершенно разрушена вмѣшательствомъ невѣжества тѣхъ самыхъ людей, для которыхъ трудишься! Такое настроеніе было вызвано во мнѣ собственно не прямымъ очереднымъ визитомъ, какой я должна была сдѣлать, а другимъ, какой я потомъ по своей волѣ сдѣлала въ томъ же домѣ.

Очередной визитъ былъ у больного—бывшаго кондуктора желѣзной дороги. Здѣсь нашла слѣдующее. Въ квартирѣ въ одну комнату, въ деревянномъ, пошатнувшемся на сторону, флигелечкѣ, лежалъ на кровати навзничь страшно исхудалый и съ чисто мертвенною блѣдностью человѣкъ лѣтъ 35,—глаза ввалились, носъ заострился, губы совсѣмъ бѣлыя. При моемъ появленіи дряхлая старуха выставила изъ-подъ кровати большой тазъ, наполненный кровью. Въ то же время я замѣчаю, что около кровати стоитъ на табуреткѣ бутылочка съ водкою и рюмка. „Кровь горломъ пошла,—заговорилъ, увидѣвъ меня, сдавленнымъ и хриплымъ голосомъ больной:—говорятъ—водкою хорошо унимать,—вотъ и послалъ, хоть и не люблю ея: да нѣтъ пользы! что ни кашляну, то кровь, то кровь,—такъ печенками и валитъ; вотъ и опять“. Старуха подставляетъ ему тазъ. „Не говорите вы, молчите: вамъ хуже отъ этого будетъ,—спѣшу я предостеречь больного.—Вотъ проглотите пока эту пилюлю“,—вынимаю изъ сумки и даю ему пилюлю. „А ты, старуха, бѣги скорѣе за льдомъ“.—„Какъ же это вы!—говорю я съ мягкимъ укоромъ больному:—сами видите, что водка вамъ не приноситъ пользы, а пьете! Вамъ, напротивъ, ничего такого и капли нельзя: больше кровь будетъ; пить вамъ можно только холодную воду съ лимо-

номъ или холодное молоко; ничего также горячаго нельзя".— „Боюсь умереть, госпожа докторша: вѣдь семь человѣкъ дѣтей, все малъ-мала меньше; жена сначала все рожала по одному, а тутъ вдругъ сразу двоихъ"...—„Не говорите же!—останавливаю я его: — не думайте ни о чемъ, не волнуйтесь, иначе кровь у васъ не остановить, а это прежде всего надо сдѣлать. Вы волнуетесь, да еще водки выпили..." Больной смолкаетъ. Я оглядываюсь по комнатѣ: дѣйствительно — куда ни посмотрю, всюду дѣтишки: и на кровати, и въ люлькѣ, и на полу, и на сундукѣ; двое зачѣмъ-то забрались подъ столъ. Тутъ же замѣчаю я другую старуху, сидѣвшую неподвижно за столомъ и очевидно слѣпую. „Какъ не думать!—съ видимою растроганностью начинаетъ опять больной:—вотъ жена теперь по стиркамъ ходитъ! да еще барыни обсчитываютъ,—кто пятачка, кто гривенника не додастъ: поздно, молъ, пришла! тоже аспиды!"—„Перестаньте же!" —говорю я уже съ сердцемъ. Но онъ, какъ будто не въ силахъ будучи сдержать себя и почти рыдая, продолжаетъ все-таки:— „Два года безъ мѣста! куда ни поступлю, кашель изведетъ—и не могу... Съ тѣхъ поръ, какъ грудь мнѣ придавило вагонами, пропало мое здоровье". Я уже не останавливаю его, потому вижу—безполезно. „Пенсію, говорятъ, проси,—десять лѣтъ прослужилъ: какъ же! дадутъ! еслибы мнѣ руку или ногу оторвало, а то только грудь раздавило! Вытащили замертво изъ-подъ колесъ: отправили въ больницу, продержали тамъ три мѣсяца, да и выпустили на всѣ на четыре стороны, потому ходить сталъ. А съ тѣхъ поръ вотъ все кашель и кашель, и кровь нѣтъ-нѣтъ, да и пойдетъ". Старуха принесла льду; я накладываю больному на грудь холодный компрессъ, уча вмѣстѣ и старуху, какъ надо это дѣлать, пишу рецептъ капель, объясняю—какъ нужно ихъ принимать, приказываю сейчасъ же вылить кровь изъ таза и вымыть его, и велю старухѣ, чтобы дать больному покой, увести дѣтей на дворъ. „Вамъ нужно лечь въ больницу,—говорю затѣмъ больному:—тамъ, что случится, сейчасъ же докторъ, фельдшера, сидѣлки—всѣ къ вашимъ услугамъ,—тамъ вы поправитесь скорѣе".—„Нѣтъ, госпожа докторша, извините, въ больницу я не пойду".—„Да вы тамъ поправитесь".—„Я ужъ лежалъ тамъ три мѣсяца—знаю".—„Вѣдь вамъ же помогли: васъ вытащили замертво изъ-подъ вагоновъ, а тамъ васъ все-таки на ноги поставили. И теперь помогутъ".—„Нѣтъ, лучше ужъ помру дома, а въ больницу не пойду!"—повторяетъ съ возростающимъ раздраженіемъ больной. Чтобы не волновать его больше, я прекратила разговоръ и, повторивъ еще разъ, какъ ему вести себя, ухожу.

На лѣстницѣ я встрѣтила молодую, но страшно худую и изнуренную женщину, которая шла едва переводя духъ отъ усталости.—„Вы у насъ были, госпожа докторша?“—обратилась она ко мнѣ.—„Да, вѣроятно, у васъ, вы—жена бывшаго кондуктора?“—„Такъ точно“.—„Уговорите его непремѣнно лечь въ больницу: иначе, если кровотеченіе повторится, онъ помретъ“.—„Да я и сама рада бы его помѣстить въ больницу; измучилась совсѣмъ; капризный такой сталъ. Былъ кондукторомъ, жалованье хорошее получалъ, избалованъ, а теперь вотъ на одни мои гроши приходится жить. Вчера: купи, говоритъ, мнѣ семги,—присталъ, присталъ; если купишь, говоритъ, хоть кусочекъ, мнѣ полегчаетъ. Нечего дѣлать,—купила; да еще на пятачекъ не даютъ, на гривенникъ отрѣзали кусочекъ. Ну что-жъ! и не ѣлъ: откусилъ капельку,—нѣтъ, говоритъ, не вкусная. И ему пользы нѣтъ, и мой гривенникъ пропалъ“.—„Завтра же везите его въ больницу, вотъ моя карточка—его примутъ. Скажите,—полюбопытствовала я между прочимъ:—что вамъ за охота держать у себя этихъ двоихъ старухъ, изъ которыхъ одна такъ дряхла, что еле ходитъ, а другая кромѣ того и слѣпа? или это ваши родственницы?“—„Нѣтъ, совсѣмъ чужія; да вѣдь онѣ мнѣ ничего не стоютъ: онѣ только помѣщаются у меня—и за это приглядываютъ за дѣтьми. Къ церкви онѣ ходятъ: кто что подастъ—вотъ и кормятся. Слѣпая-то отлично ходитъ за дѣтьми,—лучше зрячей; она всю жизнь, видите ли, по нянюшкамъ жила, у генераловъ, да у благородныхъ господъ, а подъ старость-то вотъ и пришлось безъ угла, безъ пристанища. Эта-то мнѣ еще подсобляетъ; если въ праздникъ подадутъ побольше, она купитъ ситничка и моихъ дѣтишекъ накормитъ“. Какъ слѣпой старухѣ можно поручать приглядывать за дѣтьми, этого я не могла и не могу теперь понять. Такъ вотъ, значитъ, гдѣ подъ старость находятъ пріютъ наши нянюшки, горничныя и кухарки; нищета помогаетъ нищетѣ.

Выйдя на дворъ, я захотѣла воспользоваться случаемъ, чтобъ на томъ же дворѣ побывать еще въ другой квартирѣ, куда меня не звали, но гдѣ я недавно лечила дѣвочку отъ тифа; мнѣ захотѣлось освѣдомиться о состояніи этой дѣвочки. Дѣвочка заболѣла брюшнымъ тифомъ съ мѣсяцъ назадъ; мать тогда очень ужъ упрашивала меня не отправлять ее въ больницу, и я согласилась, но поставивъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы мать въ точности исполняла все, что я буду приказывать относительно ухода за дѣвочкою. Мать дала мнѣ клятвенное обѣщаніе все исполнять. И дѣйствительно, къ моему удовольствію, я увидѣла, что женщина строго держала свое слово: сама постоянно оста-

валась при дѣвочкѣ, аккуратно присылала за лекарствами, кормила тѣмъ только, чѣмъ я велѣла; когда я навѣщала дѣвочку, заставала ее всегда въ чистомъ бѣльѣ и т. д. Словомъ, мать, повидимому, вполнѣ довѣрилась мнѣ и старалась исполнять все, что̀ я ни приказывала. И въ скоромъ времени дѣвочка стала замѣтно поправляться. Давненько ужъ мать не присылала ко мнѣ ни за чѣмъ, ни сама не являлась; думаю, можетъ быть, дѣвочка настолько уже оправилась, что ей и діэту нужно перемѣнить. Подхожу къ двери, звоню,—отворяетъ сама мать, сильно взволнованная; увидѣвъ же меня, она съ радостію заговорила: „Ахъ, Господи! самъ Богъ васъ прислалъ сюда: только-что собиралась бѣжать къ вамъ, а ангелъ святой и послалъ васъ“.—„Что̀ ваша дѣвочка?“—„Да посмотрите, госпожа докторша: совсѣмъ помираетъ! Отчего сталось—сама не знаю: вѣдь она уже ходить понемногу начала, совсѣмъ было-поправилась, да вдругъ сегодня поднялась рвота, на животикъ все жалуется—и такъ ослабла, такъ ослабла!.. Спасите ее, госпожа докторша!—плачетъ баба:—вѣкъ буду Бога за васъ молить“.—„Вы ее чѣмъ-нибудь накормили?“—„Ничего, ничего не давала: какъ вы приказывали, только и давала кипяченое молоко, да жиденькой манной каши, да супъ варила,—нарочно для ней одной полфунта мяса брала; чаю давала“...—„А еще что?“—„Да ничего, какъ передъ Богомъ ничего“.—„А сегодня что̀ давали?“—„Вотъ сегодня только: купила я корюшки,—жарко теперь, долго хранить-то ее нельзя, такъ потому дешевая; я и купила и нажарила на постномъ маслѣ,—постъ вѣдь теперь; ѣдимъ мы это, а она и попроси, да такъ это въ охотку покушала,—все проситъ: еще и еще... Въ этомъ дѣйствительно виновата, дала, что-жъ, виновата“...

Должно быть, мое лицо, подъ вліяніемъ этого сообщенія, сдѣлалось очень нехорошимъ—злымъ, что баба замѣтно смутилась и усиленно начала придавать своей рѣчи тонъ какого-то раздумья и виноватости. „Виновата, виновата, что-жъ, дала; думала—дѣвочка поправилась,—отчего жъ не дать? думала—что-жъ васъ безпокоить попусту! дала, что-жъ—дѣйствительно дала“. Я молча сѣла у стола—и не знала, что̀ мнѣ сказать или сдѣлать: такая досада и злоба бушевали у меня въ душѣ, что, кажется, взяла бы да исколотила эту негодную мать, накормившую тухлою рыбою свою больную дѣвочку. Но затѣмъ у меня мелькнуло въ головѣ: *не вѣдятъ—что творятъ.* Я попросила воды напиться и, немного успокоившись, осмотрѣла дѣвочку и затѣмъ возможно спокойнѣе сказала: „Я ее лечить больше не буду; я вамъ приказывала кормить ее тѣмъ, чѣмъ нужно,—вы не послушались

и накормили ее тухлою рыбою,—ну, и лечите ее теперь сами". При этомъ баба быстро опустила руку въ карманъ, вынула кошелекъ, достала оттуда два двугривенныхъ—и суетъ мнѣ въ руку. Отъ такой неожиданности я совсѣмъ опѣшила и растерялась. Сказавъ, что я не буду лечить дѣвочку, я имѣла въ виду употребить съ бабою хитрость,—разсчитывала, что она испугается, станетъ каяться, станетъ умолять меня не оставить дѣвочку, и я соглашусь, но уже настоявъ еще строже прежняго на точномъ и безпрекословномъ исполненіи всего, что буду приказывать,—заставлю ее сознать, что я хорошо лечила ея дѣвочку, что дѣвочка совсѣмъ было-умирала, но благодаря мнѣ, моимъ лекарствамъ и исполненію моихъ приказаній, совсѣмъ было-выздоровѣла,—внушу ей и на будущее время довѣріе къ себѣ и сознаніе надобности исполнять, что я скажу. И вдругъ эти два двугривенныхъ! Хитрость моя, такимъ образомъ, была разрушена съ самаго начала. У бабы, значитъ, явилось соображеніе: „ходила, молъ, докторша, ходила, а теперь не хочетъ,—нужно ее подмаслить". Я совсѣмъ была сбита съ толку, чувствовала, что совсѣмъ не въ силахъ хоть сколько-нибудь дать понять бабѣ смыслъ того, что она сдѣлала и что происходило у меня въ душѣ, и только могла сказать ей: „Мнѣ вашихъ денегъ не нужно; мнѣ нужно только, чтобы вы мнѣ вѣрили и слушались меня, для вашей же пользы. Вотъ порошки, давайте ей по одному порошку утромъ и вечеромъ. Кормите ее только тѣмъ, чѣмъ я велѣла, а если другое еще будете давать, я приду—и скажу: прощайте!" И поспѣшила поскорѣе выйти, чтобъ не расплакаться тутъ же передъ бабою; слезы неудержимо подступали у меня къ горлу—такъ было тяжело и больно на душѣ.

VIII.

Слѣдующій, впрочемъ, визитъ потребовалъ отъ меня столько работы и заботы, что пришлось забыть про нахлынувшія невеселыя и малодушныя мысли. Когда я подходила къ дому, гдѣ была слѣдующая искомая мною квартира, ко мнѣ подбѣжали на встрѣчу отъ воротъ двое дѣтишекъ,—дѣвочка лѣтъ восьми и мальчикъ лѣтъ шести. „Сюда, сюда, къ намъ, госпожа докторша!—кричали они:—мы васъ давно дожидаемъ,—у насъ мама больна". Они ведутъ меня,—спускаемся въ подвалъ, квартирка—крохотная кухня безъ окна и за нею маленькая полутемная комнатка съ оконцемъ въ одно стекло, еле пропускавшимъ свѣтъ. На помостѣ

лежала женщина лицомъ къ стѣнѣ; въ то же время я замѣчаю, что въ углу, лицомъ также къ стѣнѣ, стоитъ молодой парень и обѣими руками прижимаетъ къ глазамъ грязную тряпку. „Что это онъ—плачетъ что-ли?—думаю:—ужели эта женщина умираетъ?“ Подхожу — начинаю ее осматривать и спрашивать; дѣтишки такъ и впились въ меня своими глазенками: дѣти какъ-то инстинктивно чувствуютъ опасность, и что выражаютъ въ этихъ случаяхъ ихъ глаза—до того трогательно, что трудно и передать: видишь въ нихъ и испугъ, и мольбу, и страданіе, и робкій просвѣтъ надежды—все вмѣстѣ. У женщины оказалось сильнѣйшее кровотеченіе. „Что тутъ дѣлать?—думаю:—помощь нужна немедленная, а у меня нѣтъ съ собою нужныхъ приспособленій! Слушай,—обращаюсь я къ парню:—сбѣгай ко мнѣ на квартиру“.—„Да онъ слѣпой, слѣпой!“—говорятъ дѣтишки.—„Слѣпенькій, матушка, сынокъ мой,—слѣпенькій,—шепчетъ, едва шевеля губами, больная: — а мужъ-то на работѣ“.—„Дѣвочка,—обращаюсь я къ дѣвочкѣ:—бѣги ты, вѣдь ты знаешь, гдѣ я живу,—не очень далеко; ты вѣдь сегодня приносила мнѣ адресъ,—туда и бѣги,—скажи моей прислугѣ: докторша, молъ, велѣла взять кружку,—она уже знаетъ какую; да не разбей,—пусть она ее завернетъ въ бумагу и лети сюда живо“. Дѣвочка умчалась. Тѣмъ временемъ я дала матери подходящихъ къ случаю капель, оказавшихся въ моей сумкѣ. Но какъ теперь достать горячей воды—не знаю: помощники-то у меня остались одинъ слѣпой, другой малый! Плита, впрочемъ, есть и котелокъ есть. „Гдѣ вода?—спрашиваю:—крана нѣтъ?“—„А вотъ въ кадкѣ“,—отвѣчаетъ мальчикъ. Я наливаю воду въ котелокъ. „А гдѣ у васъ дрова?“—„А дровъ нѣту-ти, а я щепокъ со двора принесу, тамъ плотники рубятъ,—такъ щепки можно брать,—живо загорятся“.—Ну, бѣги, бѣги, да только не упади по ступенямъ-то, темно вѣдь у васъ тутъ“. Сама же сняла съ гвоздя полотенце, намочила его холодною водою и положила пока больной на животъ; посмотрѣла пульсъ—еще есть, хотя слабый. Мальчуганъ притащилъ щепокъ,—я положила ихъ подъ плиту, подожгла—и онѣ, дѣйствительно, быстро разгорѣлись.—„Иди неси еще и еще, пока вода согрѣется“. Онъ носитъ, я подкладываю; скоро вода почти была готова; дѣвочка только не идетъ. Думаю, дай посмотрю пока парня: что у него за слѣпота такая.—„Подойди сюда къ окну,—говорю ему:—да отними тряпку-то отъ глазъ; отъ одной этой тряпки и здоровые глаза разболятся“.—„Да слеза шибко бьетъ, и глазъ даже чуточки не могу раскрыть,—такъ и бьетъ и бьетъ! Лечился, да пользы нѣтъ“.—Я смотрю у

него глаза: мутные, красные, заплыли гноемъ, и на роговицѣ одного—язвы.—„Доктора тебѣ,—говорю ему,—давали капли для глазъ, ты ихъ, можетъ, и впускалъ, а глаза грязною тряпкою растиралъ,—и доктора же по-твоему виноваты, а можетъ быть, разъ только и впустилъ, и вообще не дѣлалъ, что тебѣ приказывали. Приходи завтра же ко мнѣ,—дѣвочка тебя проведетъ; ты этимъ не шути,—ослѣпнешь вѣдь".—„Да и то уже ослѣпъ". „Пока еще, слава Богу, не ослѣпъ,—поправить можно. Если самъ не захочешь лечиться, не придешь,—такъ я городового за тобою пришлю".—„Да я и самъ приду".—„А пока брось тряпку-то: я тебѣ на глаза повязку наложу,—и то тебѣ лучше будетъ". На счастье въ моей сумкѣ оказался еще конецъ марлеваго бинта,—туго накладываю ему на глаза повязку. „Вотъ такъ тебѣ лучше будетъ: моргать не будешь, и тереть не будешь, и слеза меньше будетъ идти". Есть типъ упрямыхъ больныхъ, которые или съ необыкновеннымъ упорствомъ примѣняютъ свою терапію, или же, махнувъ совсѣмъ на леченье рукою, не хотятъ ничего дѣлать. Къ такому типу, очевидно, принадлежалъ этотъ больной глазами парень. Съ такими не мѣшаетъ и власть употреблять.

Наконецъ, прибѣгаетъ дѣвочка, приноситъ кружку. „Есть ли у васъ тазъ или чашка большая?—спрашиваю:—надо приспособить, чтобы вода стекала".—„А корыто не годится?" отвѣчаетъ дѣвочка—и быстро подползаетъ подъ помостъ; мальчикъ тоже бросился помогать ей, и они вдвоемъ вытащили корыто. Я поставила корыто передъ кроватью на полъ, положила больную какъ нужно, налила въ кружку горячей воды, дѣтишекъ выслала въ кухню, а парня съ завязанными глазами заставила держать кружку и начала дѣлать больной горячія спринцеванія. Мало-помалу кровь остановилась; больная только стонала да жаловалась, что горячо очень.—„Зато здорова будешь,—не помрешь". Кончивъ спринцеванія, я уложила больную какъ слѣдуетъ въ постель. „Теперь лежи,—говорю,—спокойно и не говори ничего. Видишь—ноги-то совсѣмъ холодныя!" Налила двѣ бутылки—дѣтишки нашли—горячею водою, хорошенько закупорила и положила больной въ ноги; вытащила изъ-подъ нея всѣ окровавленныя тряпки, выбросила ихъ въ сѣни, вымыла руки, укрыла больную—чѣмъ только можно было и сѣла писать рецептъ; позвала дѣвочку и велѣла ей тотчасъ же бѣжать въ аптеку за лекарствомъ.—„Лекарства тебѣ дадутъ безъ денегъ; отца-то долго дожидаться, да еще, можетъ быть, и денегъ у него нѣтъ. Это лекарство ты и давай матери—чтобъ она пила черезъ каждые два часа по сто-

ловой ложкѣ: замѣтишь это?" — „Черезъ два часа по столовой ложкѣ", повторила твердо дѣвочка. „Когда придетъ отецъ, скажи, чтобъ купилъ молока, скипятилъ его и давалъ матери, когда она захочетъ ѣсть или пить. Да скажи еще, чтобы тряпки, что я выбросила въ сѣни, поскорѣе отдалъ помыть кому-нибудь". Говорила я все это дѣвочкѣ, разсчитывая, что будутъ слышать и мать, и парень, и авось всѣ втроемъ замѣтятъ. Простилась и ушла. Это и былъ мой послѣдній визитъ къ бѣднымъ больнымъ.

IX.

Но затѣмъ я должна была сдѣлать и сдѣлала еще одинъ визитъ—не къ бѣднымъ, о которомъ также разскажу, но о которомъ, прежде чѣмъ говорить, я должна предпослать маленькое замѣчаніе. Въ числѣ доставленныхъ мнѣ утромъ адресовъ, написанныхъ большею частію или, лучше сказать, нацарапанныхъ на клочкахъ сѣрой и грязной бумаги безграмотнымъ почеркомъ, была подана мнѣ и одна печатная визитная карточка, съ надписью на оборотѣ: „Прошу пожаловать къ больному ребенку": значитъ—приглашеніе въ „интеллигентную" семью. По поводу этой карточки я разсудила такъ: какъ думскій врачъ, я обязана лечить только бѣдныхъ больныхъ своего участка, — тѣхъ, которые сами не имѣютъ возможности ни приглашать къ себѣ на домъ врачей, ни являться къ нимъ за помощью за плату, и эти больные, кромѣ меня, не могутъ уже обратиться ни къ какому другому врачу за безплатною помощью; интеллигентная же и, значитъ, болѣе или менѣе состоятельная семья можетъ обойтись и безъ меня,—можетъ за плату пригласить другого врача, и прямо являться на приглашеніе въ такую семью я не обязана. Поэтому я сочла справедливымъ, прежде чѣмъ дѣлать этотъ визитъ по печатной карточкѣ, обойти своихъ бѣдныхъ больныхъ, а потомъ уже отправиться и туда, разсчитывая, что еслибы тамъ нужна была немедленная помощь, могли бы пригласить и другого врача; если же дѣло потерпѣло бы до моего прихода, тогда, что̀ нужно и можно, сдѣлать и тамъ.

Итакъ, послѣ описаннаго послѣдняго визита къ бѣднымъ — это было уже часовъ въ шесть вечера, — я возвратилась домой, наскоро пообѣдала, переодѣлась и на извозчикѣ отправилась въ интеллигентную семью. Квартира оказалась на чистой лѣстницѣ не высоко; отворила мнѣ дверь прислуга; квартира небольшая, но приличная и обстановка въ ней приличная; имѣлась особая

гостиная, съ неизбѣжнымъ круглымъ столомъ передъ диваномъ и между двухъ креселъ; столъ былъ накрытъ недешевою скатертью и на немъ красовалась большая лампа съ затѣйливымъ абажуромъ,—словомъ, какъ во всѣхъ квартирахъ петербургскихъ буржуа средней руки. Хозяинъ, какъ значилось на его визитной карточкѣ, состоялъ кассиромъ гдѣ-то. Какъ только я вошла въ гостиную, изъ сосѣдней комнаты тотчасъ же выскочилъ, видимо ажитированный, худой и нервный господинъ и съ нескрываемымъ раздраженіемъ набросился на меня: „Что же это значитъ? къ вамъ послали адресъ въ семь часовъ утра, а вы являетесь въ семь часовъ вечера! Да такимъ образомъ можно умереть двадцать разъ, прежде чѣмъ дозовешься доктора! У меня боленъ ребенокъ — и вотъ мы должны дожидаться васъ цѣлыя полсутки! Это безсердечно! это безчеловѣчно, вы, милостивая государыня, не знаете вашихъ обязанностей: я буду въ Думу на васъ жаловаться!“

Между тѣмъ поспѣшно вышла изъ другой комнаты молодая дама, очевидно супруга: „Оставь, оставь!“ укоризненно заговорила она мужу. „Успокойтесь, милостивый государь!“ говорю, наконецъ, и я ему въ свою очередь. „Покажите мнѣ сначала,—обращаюсь къ дамѣ,—вашего ребенка, а затѣмъ“, — къ нервному господину:—„я вамъ объясню мои обязанности, такъ какъ вы, очевидно, имѣете насчетъ ихъ совершенно превратныя представленія“. Дама приноситъ дѣвочку лѣтъ трехъ; я внимательно ее осматриваю, разспрашиваю о ней мать. „Болѣзнь у вашей дѣвочки,—говорю ей,—не опасная, не смертельная: у нея просто начинается корь. Не простудите только, да вотъ купите въ аптекѣ лекарство,—я напишу рецептъ: будете давать ей это черезъ два часа по чайной ложкѣ“. — „Какъ, купите лекарство?!—начинаетъ опять съ прежнимъ раздраженіемъ хозяинъ:—да вѣдь по вашему же рецепту должны въ аптекѣ отпустить лекарство безплатно!“—„Гдѣ же это вы слыхали, чтобы въ аптекахъ кому-либо отпускали лекарства безплатно?“ отвѣчаю я. „Да вѣдь думскій же врачъ обязанъ и лечить безплатно, и выдавать или выписывать лекарства безплатно“.—„Такъ какъ я думскій врачъ, то полагаю—лучше васъ знаю, что я обязана или имѣю право дѣлать: не позволите ли мнѣ—я вамъ объясню, въ чемъ состоятъ обязанности и права думскаго врача. Я это сдѣлаю съ большимъ удовольствіемъ, потому что взглядъ, высказываемый вами, приходится вообще нерѣдко слышать среди интеллигентной публики: авось вы, узнавъ — въ чемъ дѣло, вразумите кого-либо и другого“. — „Сдѣлайте одолженіе“, отвѣчаетъ нѣсколько уже пониженнымъ тономъ хозяинъ. —„Въ городѣ существуетъ громадное множество такихъ бѣд-

няковъ, которые сами не въ состояніи не только приглашать къ себѣ на домъ врачей, но зачастую не имѣютъ возможности даже купить самыхъ дешевыхъ лекарствъ. Всѣхъ больныхъ изъ этого обездоленнаго люда помѣщать въ больницы—немыслимо: для этого потребовалось бы, чтобы въ Петербургѣ существовало по крайней мѣрѣ въ десять разъ больше больницъ, чѣмъ сколько ихъ есть теперь. И прежде многіе, очень многіе изъ этого класса людей переносили всякаго рода болѣзни, страдали и умирали — не получая никакой врачебной помощи. Вотъ Дума, чтобы дать возможность и такимъ несчастнымъ сколько-нибудь пользоваться, въ случаѣ надобности, врачебною помощью раздѣлила городъ на участки—очень большіе, нужно сказать—и учредила въ каждомъ участкѣ должность особаго думскаго врача, на обязанности котораго лежитъ: каждый день, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней, во-первыхъ, — принять у себя на квартирѣ приходящихъ къ нему бѣдныхъ больныхъ, а затѣмъ посѣтить и на дому тѣхъ изъ больныхъ, которые не въ силахъ къ нему придти; въ томъ и другомъ случаѣ врачъ оказываетъ помощь больнымъ безъ всякой съ ихъ стороны платы, но ему уплачиваетъ за эти его труды Дума, а именно: за пріемъ больныхъ въ квартирѣ ему выдается опредѣленное содержаніе, по 50 рублей въ мѣсяцъ, а за визиты на домахъ уплачиваетъ по 30 к. за каждый визитъ (за визиты ночью—по 60 к.). Кромѣ того, Дума предоставляетъ своему врачу тѣмъ изъ бѣдныхъ больныхъ, которые сами не въ состояніи купить и нужныхъ лекарствъ, или выдавать эти лекарства, безплатно также, въ готовомъ видѣ, или же, если нужныя лекарства очень сложны, а между тѣмъ требуются немедленно, выписывать ихъ на особыхъ бланкахъ изъ аптекъ, безъ уплаты также со стороны предъявителей; въ послѣднемъ случаѣ за забранныя въ аптекахъ лекарства расплачивается потомъ сама Дума. Но все это только для крайнихъ бѣдняковъ, которые сами не могутъ нести указаннаго рода расходовъ. Нужно при этомъ принять во вниманіе и то, что и бѣдные пользуются врачебной помощью отъ Думы не совсѣмъ уже безплатно: ими вѣдь вносятся каждогодно такъ называемыя больничныя деньги, правда, далеко не покрывающія всѣхъ производимыхъ на настоящій предметъ Думою расходовъ, но все же вносятся, а вы вѣдь даже и больничныхъ не вносите. И вы еще на меня накричали, наговорили мнѣ столько оскорбительнаго! Отъ бѣдноты мы, думскіе врачи, по крайней мѣрѣ ничего никогда не видимъ къ себѣ, кромѣ почета и благодарностей. И вы же еще мнѣ прямо въ

глаза изрекли надо мною приговоръ, что я не знаю своихъ обязанностей!"

Можетъ быть, все это лучше бы было высказать въ другой, болѣе мягкой и деликатной формѣ, но признаюсь — у меня у самой были очень возбуждены нервы... Когда я кончила, онъ совсѣмъ уже смягченнымъ и даже сконфуженнымъ тономъ сказалъ мнѣ: „Ну, извините, я, дѣйствительно, хорошенько не зналъ, какъ тамъ у васъ это все. Мы ужъ васъ какъ-нибудь потомъ отблагодаримъ". — „Нѣтъ, благодарствуйте, — отвѣтила я: — вы вотъ теперь, кажется, успокоились и, кажется, сознали несправедливость бывшаго у васъ взгляда насчетъ обязанностей думскаго врача: пусть это и послужитъ для меня вознагражденіемъ. Прощайте".

Такъ окончился мой дневной трудъ.

Е. Сланская.